

ВЛАД. СЛЕПКОВ.

НА
БЫТОВЫЕ
ТЕМЫ

Р 56
459

№ 4. БИБЛИОТЕКА
== ЖУРНАЛА ==
„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“

P5 ⁶/₄₅

ВЛАДИМИР СЛЕПКОВ

НА БЫТОВЫЕ ТЕМЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ

Дм. МАРЕЦКОГО

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“
ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
Ленинград — 1927.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1) Предисловие Дм. Марецкого.	
„Братишки“	1—15
3) „Пижоны“	16—25
4) „Чемпионы“	26—32
5) Заметки о комсомольском быте:	
а) Не о единой политике жив комсомолец	33—37
б) Комсомольский жаргон и комсомольские обычаи	37—40
в) О смехе и жизнерадостности	41—49
г) Свет и тени	50—58

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эпоха строительства социализма не может не быть одновременно эпохой грандиозной „самопеределки“ людей. В борьбе за новый общественный порядок люди не могут не изменять собственной природы. Жизнь самовластно выдвигает в порядок дня задачи культурной революции и рационализации быта во всей его многогранности. Ясно само собой, что в данном отношении совершенно исключительное значение имеют задачи правильного воспитания и самовоспитания смены строителей, и борьба за новый быт в среде рабочей молодежи прежде всего. Но борьба за новое невозможна без тщательного изучения того, что есть. Тот психический и бытовой материал, который дает нам среда комсомольского и пролетарского молодняка должен быть исследован со всеми его теневыми сторонами. Людям будущего нет основания стесняться вытаскивать наружу жуткие, порой, язвы нашей жизни и быта, рождаемые нашей пока еще бедностью, отсталостью, противоречиями «нэпа, трудностями гигантской социалистической стройки.

Статьи тов. Влад. Слепкова, написанные живо и местами увлекательно с успехом могут ввести читателя в курс вопросов быта нашей молодежи. Именно спорность освещения проблем такой чрезвычайной сложной и жгучей темы нисколько не должна умалять тот интерес, который справедливо заслуживают статьи молодого автора.

Мы целиком присоединяемся к словам тов. Луначарского, который пишет, что в лице тов. Слепкова Вл. мы имеем владеющего острым пером выдающегося наблюдателя комсомольского быта.

Дм. Марецкий.

„Братишки“.

За последнее время в революционном репертуаре советских театров занял одно из первых, наиболее видных мест „братишка“, — этот неприменный персонаж „Любви Яровой“, „Шторма“ и других пьес, получивших широкую известность среди рабочей молодежи.

Нужно считать вполне законным, естественным и весьма отрадным тот напряженный интерес, который проявляет молодой зритель к этой яркой, колоритной фигуре героического периода русской революции.

Неподдельный энтузиазм, отвага, бесстрашие исключительная преданность общественному делу, наряду с кристальной честностью при выполнении революционного долга, — все эти великолепные качества, присущие „братишке“, бойцу, — создали ему заслуженную популярность.

Вполне понятно, что молодежь видит в нем героя.

Характерно, однако, то, что в обеих пьесах рыцарский благородный облик „братишки“, глубоко правдивый, выразительный и потрясающий зрителя, — выступает на фоне гражданской войны.

Именно на передовых позициях, в красноармейских и матросских доспехах, „братишки“ проявили беспримерный героизм, отличились, как верные, честные и бескорыстные солдаты революции.

Поэтому и представление о „братишке“, как типе положительном, стало неразрывно связано с мятежными, суровыми годами.

Ведь в то время эти отчаянные ребята дрались, как черти, идя напролом, не щадя своей жизни, атакуя врага не только оружием, но и безграничной храбростью, которая приводила в смятение противника и создавала славу „братишкам“. Недостатки „братишки“ покрывались многочисленными добродетелями и их (недостатки) не хотелось даже замечать.

Теперь мы идем в театр смотреть „братишку“ уже как исторический персонаж. Занавес истории открывается и перед нашими глазами проходит ряд трагических эпизодов гражданской войны. Смотришь на сцену и чувствуешь, как с каждым действием нарастают симпатии к „братишке“, человеку высокого, революционного подвига, такому удивительно простому, безыскусственному. И в то же время рождается в сознании мысль: в самом ли деле „братишка“ ушел в историю?

Нет, „братишка“ здравствует и поныне. Это совершенно очевидно. Мы его видим, часто с ним встречаемся, он с нами, — но он очень изменился и стал уже совсем, совсем другим. Надо узнать его ближе, внимательней в него всмотреться. Необходимо выяснить, что он делает, выдержал ли он экзамен на звание трудового бойца, остался ли он в тылу, в строительный период всем тем же оптимистом, целеустремленным, неутомимым, энергичным и безупречным молодым революционером,

каким мы его знаем по гражданской войне. И тогда нам станет понятным остался ли верен „братишка“ своим старым принципам и традициям. Тогда мы будем знать положительный это или отрицательный тип в новых, мирных, не совсем обычных, для „братишки“, условиях.

Увы, „братишка“ уже не тот, что прежде, хотя он и считает себя прямым наследником революционного оруженосца эпохи военного коммунизма.

Подлинные „братишки“, с огнестрельными ранами в груди; лихие кавалеристы, бывшие в авангарде конницы, строевые красноармейцы, считавшиеся на первом счету в пехоте; матросы „брюки клеш“, беззаветно преданные революции, — люди, которым есть что рассказать о взятии Перекопа, незабываемых полных трагизма, морских сражениях и ожесточенных схватках с польскими панами, — в своем большинстве, но далеко не все, конечно, возмужали, духовно окрепли, вошли в темп революционных будней, отлично работают, учатся, растут. Они отложили в сторону свою военную аммуницию, оружие, и привились в нашей эпохе мирного строительства. Их слух радуется „симфония гудков“ и глубоко захватывает „поэзия ремонта“.

Но некоторые из „братишек“ до сих пор еще рвутся в бой, по инерции продолжают бушевать, „рвать и метать“, и „разделяться с гадами“, которые мерещатся им на всех перекрестках, — по военному, круто, беспощадно. Они потрясают картонными мечами, напоминая собой иной раз бесславного Дон-Кихота, воюющего с мельницами,

и рвут на себе рубашку в виде протеста против мирных условий и мелкого „делячества“.

Правда, среди них много инвалидов гражданской войны, неврастеников, „болящих“, которых так живо показал нам в своих четких рассказах И. Бабель, — не желающих мириться даже с правилами внутреннего распорядка в больнице — из принципа, потому, что всякий режим, даже больничный, — есть на их взгляд „деспотия“.

С присущей всем нервно-больным мнительностью, они в каждой сиделке и в каждом враче готовы усмотреть скрытого контр-революционера. Выбитые из строя болезнью, обреченные на длительное систематическое лечение, связанное часто с „хождением по мукам“ — во врачебных инстанциях, — они, глубоко уязвленные „невниманием“ к ним — революционным бойцам, поспешно выносят суровый приговор Советской власти и склонны заподозрить ее даже в перерождении, не говоря уже о том, что каждый соработник, с которым им приходится иметь дело, шельмуется ими, как изменник революции. Они громят все советские учреждения и шумят, где придется, — напоминая о своих революционных заслугах и бесчисленных ранениях.

Сохранился и другой вид „братишки“, который работал в свое время в Ч. К., Г. П. У., продотрядах, ЧОНЕ и т. д. В былые годы он посвящал дни и ночи опасной, связанной с большим риском боевой работе, вылавливая контр-революционеров и находя в этом свое призвание. Он привык к лагерным условиям жизни, полной, неограниченной свободе действий, — а теперь, оставшись не у дел, связанный целым рядом элементарных законов, призванный к порядку за самоуправство, он не

хочет мириться с современными строгими порядками, которые распространяются даже на него и мешают ему „развернуться“.

Очень важно отметить также, что многие из тех, кто проявляет чисто внешнее сходство с „братишками“, даже и пороха вовсе не нюхали, но зато достаточно громко и беззастенчиво афишируют себя: „За что боролись“!.. За что кровь проливали“!.. Не трудно узнать в них простых шарлатанов, морочащих публику и наживающих на этом „политический капитал“.

Артем Веселый поведал нам также о „братишках“, — молодых матросах „дальнего плавания“ — головотяпах с „мозгами на бекренях“. Это — озорники, так называемые ребята с гонором, вольные, широкие натуры, которым на все наплевать с высокого дерева. В свободное от службы время, высадившись на сушу, расхаживая по улицам, они поют воинственные частушки:

„Все пропьем, гармонь оставим,
Всех..... плясать заставим...“.

„Затейники“ и „шутники“, — они пробуют свою неизбывную силу на фонарных столбах, пытаются вырвать их с корнем, расчищают себе дорогу кулаками, пуская иногда в ход даже оружие, справляются в аптеке, — „нельзя ли получить мази от вшей — штук на двести“, — словом, занимаются веселым времяпровождением.

Такой вид „братишки“ у нас тоже есть, но, на наше счастье, его „выступления“ носят сезонный (эпизодический) характер. Во всяком случае его нельзя считать распространенным в наши дни, — его время ушло, хотя нельзя отрицать того, что

у него имеются достаточно способные, верные его заветам, преемники.

Несомненно, что сложился новый сборный тип „братишки“, — многоликий, разноязычный. Вербует он, растет и множится теперь уже за счет расхлябанного, политически незрелого слоя рабочей молодежи, с неустойчивой психикой, и так называемой „шпаны“, с ухарскими манерами и „широкими взглядами“ на жизнь. Но „братишка“ даже не подозревает о своем родстве с хулиганом, — нет, он считает себя идейным, глубоко убежденным человеком. „Лицо“ его станет ясным, когда мы познакомимся с его своеобразным „мировоззрением“ и „бытовой установкой“.

Что выделяет „братишку“ из среды остальной молодежи? Прежде всего — жажда острых ощущений, слабость к оружию, доходящая до большой чувственной страсти, бесшабашность, склонность к авантурным приключениям, принимающая иной раз форму своеобразного следопытства. „Братишка“ увлечен погоней за вымышленными шпионами, контр-революционерами и бандитами. Он отличается полным пренебрежением к организованной жизни, имеющей свои законы, нормы поведения, — и сам себе хозяин. Страсть к приключениям в нем бьется сильная и тяжелая, страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей. Его непокорная, взбалмошная натура, мятущаяся и порывистая, — не выдерживает „штиля“. Нет „братишка“ походный человек (по крайней мере таким себя считает), — он не может сложа руки сидеть на одном месте.

Он ищет такого дела, которое развило бы в нем предприимчивость, силу воли и вызывало бы эмоциональную встряску. „Братишке“ скучно. Он

зевает над книгой, терпеть не может „душеспасительных“ полит-бесед, питает органическую ненависть к спокойной упорядоченной жизни. Все ему опостылело, — он хочет расправить свои крылья и поразмять затекшие члены:

„Размахнись рука,
„Раззудись, плечо“.

В жизни „братишки“ обязательно должна быть какая-то сложная, запутанная и цепкая, как паутина, интрига. Он сознательно идет на такую работу, которая щекочет нервы, вносит разнообразие в обстановку, придает жизни лихорадочный темп и остроту. Все то, что связано с риском, прельщает „братишку“, делает его энергичным, подымает тонус его жизни, пробуждает в нем неисчерпаемую инициативу.

Он не трус, как правило. Его мужественность находит себе применение не только в простых драках, по „пьяной лавочке“, но и в открытом честном бою, при неравных силах, с „деловыми ребятами“ с большой дороги. Беда только в том, что сила и смелость „братишки“ уходят в большинстве случаев зря, растрачивается по пустякам, на простое озорство.

„На войне, как на войне“, — вот лозунг „братишки“, который получает законченное выражение в своеобразной философии отрицания мирной эпохи социалистического строительства.

„Мы окружены врагами в самом тылу... Это только так кажется, что все спокойно. На самом деле в каждом „чиновнике“ сидит не только без-

душный бюрократ и мошенник, но и предатель,— с ним надо держать „ухо остро“. — „Везде воровство, зажим рабочих и крестьян, — бей по сопатке зарвавшихся администраторов“. — „На фабриках форменная эксплуатация, мастера тянут жилы из рабочих, директор разлагается — надо поприжать белую кость“.

Вот образцы погромной агитации „братишки“. Он человек крайностей и признает только агрессивную политику. Почти всегда, впрочем, он бездоказателен и легковесен в своих суждениях.

„Братишка“ неукротим, — в нем бродит, как молодое, хмельное вино, дух противоречия. Везде он видит подвох и „кровную обиду“.

— В самом деле, за что боролись, чорт возьми... когда рабочим не повышают разрядов, администрация „сорит деньгами“ и получает высокие ставки... Совсем по-одесски:

„Оны там пируют,
Карманы набивают,
А мы им посылаем сыновьев...“

Или, вот еще: сокращают рабочих... Это ли не открытая измена революции?.. „А, ну-ка, „братишки“ пойдем сомкнутым строем на советских капиталистов!“

„Братишка“ — пламенный агитатор. Он произносит обличительные речи на истинно русском цветистом диалекте, звонко пороча богородицу и всех святых, — не только на собраниях, но и в цеху, столовой и в остальных общественных местах. Довольно часто он пользуется успехом, потому что бьет на чувства аудитории, разжигает страсти и бывает безжалостен по отношению к тем, кто якобы „наступает на ногу

рабочему“. Это, так сказать, ходатай по рабочим делам, демонстрирующий пламенный протест в разных местах, по разным поводам, в любое время. „Братишка“ является воплощением стихии и объективно хочет он того или не хочет, наиболее ярким выразителем „хвостистских“ настроений в рабочей среде.

На основании сказанного не следует делать вывод, что „братишка“, как правило, злостный саботажник, шкурник и т. д. В его личном безкорыстии, мне кажется, едва ли можно сомневаться, хотя возможны, конечно, и исключения. Однако, поддерживая, всячески разжигая и углубляя своими выступлениями недовольство рабочих тем или другим вынужденным мероприятием со стороны Советской власти (сокращение рабочих, например), — он вне всякого сомнения выступает в „хвостистской“ роли, так как выражает взгляды отсталой части рабочего класса. Это подтверждается его нежеланием считаться с объективными политическими условиями, хозяйственными затруднениями, объясняемым тем, что „братишка“ пренебрежительно (по недомыслию, конечно), относится к так называемой „высокой политике“.

Вряд ли наш бестолковый „протестант“ — понимает всю абсурдность и вредность своих демагогических выступлений. Мне кажется даже, что он вполне искренен в своей наивности, граничащей с поразительной политической близорукостью и невежеством. Допускаю охотно мысль, что, набедокуривши, он способен даже покаяться для того, чтобы затем совершить очередную бестактность. Таков уж характер у человека. Задерживающие центры отсутствуют, настроения резко меняются, нервы не в порядке, думать некогда

А темперамент, бурный, что с ним поделашь!

Работает в мастерской „братишка“, нужно сказать, неважно, спусть рукава, а виной тому — его краснобайство. Слишком много времени у него уходит на раздоры с администрацией, — не мало он прохладается и в уборной. Он — первый „бузила“ в цеху и, хотя и пытается изобразить из себя рачительного хозяина, который зорко стережет советское добро, — эта роль ему плохо удается. Одним уж своим стремлением разжечь антагонизм между рабочими и администрацией, он срывает нормальную работу на производстве.

На одном из Ленинградских заводов, такой „братишка“, — молодой слесарь, — продолжительное время сознательно игнорировал мастера. Когда тот обращался к нему с предложением работать „поаккуратней“ и во время выполнять заказы, — „братишка“ отвечал ему бранью и изводил мастера изо дня в день оскорбительными кличками, отказываясь иметь с ним дело по служебной линии. Мастер обратился в ячейку („братишка“ был комсомолец) с просьбою повлиять на хулиганистого малого. Нужно было видеть „братишку“ на собрании в роли подсудимого!

И здесь он выступает в роли обличителя. Он не пожалел красок для того, чтобы изобразить мастера безжалостным кровопийцей, эксплуататором, а себя кротким младенцем. Когда же мастера взяли под надзор, то оказалось, что это — человек тихий, скромный и необычайно терпеливый. Он переносил все насмешки „братишки“, надеясь на то, что он угомонится, но когда убедился в том, что все его надежды обзудать „братишку“ тщетны, тогда он начал „жалиться“. „Братишку“

деквалифицировали, перевели на двор чернорабочим, где он и по сию пору продолжает заниматься „сокрушением обидчиков“.

„Братишка“ любит позубоскалить, у него острый язык, меткие образные выражения, неистощимый запас поговорок и частушек. Ругается он первоклассно, прямо таки виртуозно, — не даром он получил прозвище „говорок“. Перещеголять его „матом“ и переговорить вряд ли кто может, все перед ним — „сапожники“.

У „братишки“ есть свой излюбленный репертуар, своеобразная живая газета. Он до колик в животе смешит своих слушателей „ротозеев“ (за ним всегда плетется хвост) своими веселыми рассказами, которые, как из рога изобилия, сыпятся из его уст. Острит, правда, он довольно плоско, но невзыскательная публика всему рада. Говорит он „забавные“ вещи о том, как на станции Голутвино наскочил электрический трамвай на мусорный ящик, а у девятилетней старухи отняли невинность. В другом же месте, „по слухам“, на перроне обнаружили двадцатилетнего подкидыша в объятиях девятнадцатилетней девицы. Обо всем этом и рассказывает „братишка“. „Ужасно, как смешно“. Незатейливо, но зато представляется оптом и как в ларьке Моссельпрома, — чего хочешь, того просишь.

„Братишка“ плясун, нередко отличный гармонист, любитель песен. На улице он всегда первый человек, с ним весело, его любят за простоту, за то, что он такой удалой, находчивый и, вообще, „рубаха парень“. На улице этот неугомонный весельчак и молодой повеса — никогда не бывает

олинок. Но „братишка“ — задира, — то, что называется „ко всякой бочке гвоздь“. Прямодушие, задор, отсутствие всякой боязни „засыпаться“, репутация балагура, которую ему создали, — мешают ему быть осторожным в словах и поступках. „Братишка“ всегда с кемнибудь ведет „тяжбу“ — спорит и ругается, нарываясь на острый конфликт. Не прочь он сцепиться и с милицией, которую не очень жалует за строгость и яко-бы надменный, „вызывающий вид“.

Несомненно, что „братишка“ — человек, в высшей степени деморализованный, да этого он и сам не скрывает. Мне кажется, что его „жизненную программу“ можно уложить в одну формулу, которой он руководствуется „неуклонно“, оставаясь последовательным до конца. Сводится она к достаточно избитому и пошлomu положению: „Лучше быть законченным грешником, чем праведником, который не может домогаться до полной святости“. В „братишке“ есть несомненно кое-что от анархиста, босаяцкого типа, отрицающего какие бы то ни было нормы поведения и всякие „уставы“. Он сознательно игнорирует общественную дисциплину, но, видите-ли, из соображений высоко принципиальных, он — поборник свободы личности, индивидуальных прав, — по крайней мере, сам себе приписывает такие благородные побуждения.

По существу же говоря, это просто распушенный, совершенно морально развинченный человек, своей развязностью и удалством прикрывающий полную духовную опустошенность и отсутствие какого либо мировоззрения.

Никого я не боюсь,
И ничем не дорожу,

Мине и голову отрежут, —
Я другую привяжу.

Вот этот своеобразный „гимн“ „братишки“ является достаточно ярким подтверждением его духовного убожества. Он бравивирует своею бесшабашностью и порочными наклонностями, потому что этим самым приобретает некоторую оригинальность.

Пьет „братишка“ много, систематически, причем, уже будучи под градусом, выходит покурить на улицу и бьет на вылет стекла. Именно „братишка“ ввел в обиход рабочей молодежи очень оригинальный вид спорта — пить не стопками, как „принято“, а из бутылок до дна. „Зеленых“ он обучает пить аршином. Это занятие не такое уж сложное, но, зато, для здоровья очень опасное, являющееся своеобразным испытанием на мужество. На столе устанавливается целая „шеренга“ рюмок с водкой, которые нужно опустошать одна за одной, ничем не закусывая. Мне лично пришлось быть однажды свидетелем на редкость гнусной сцены, когда несколько „братишек“ на базаре, на глазах всего честного народа „вылакали“ по бутылке водки не поморщившись. Публика была, конечно, в восторге, да и как же!.. За такой показ в некоторых местах даже деньги платят!

Хулиганит „братишка“ из любви к искусству. Побороться, „из одного сделать двоих“, накостылять кому-нибудь шею или пересчитать ребра в открытом бою — любезное дело для „братишки“. Бывает и он бит, конечно, но держит себя с достоинством, — дерется, ведь за „милую душу“.

Есть у „братишки“ одна отвратительная черта, которая делает его сугубо „вредным элементом“. Он любит давать зуботычины ни за что, — так

просто,—подставляет ножку и бьет по лицу прохожих, которые ему ничего худого не сделали. Плюнуть на лысину старцу и нагрубить первому встречному прохожему ему ничего не стоит. „Дурит“ малый. В таких случаях он часто напоминает анекдотического веселого парня, который подошел однажды к мирному прохожему, нахлобучил ему шапку на глаза и учтиво попросил позволения положить его пустую голову себе в карман.

Не думаю, однако, что он делает это по злобе. Нет, просто он весь какой-то изломанный, безалаберный, беспутный. Он человек раздробленный,—и движения у него часто бывают безотчетные. „Ярость“ его—есть следствие бесшабашности, от которой, как известно, многие люди себе сломали голову, и скуки, которая одолевает „братишку“. Если „братишку“ не взять в руки, и пустить его „по течению“,—он может достукаться. Такая опасность у него есть,—ибо он становится уже „поднадзорным“ общественно-опасным элементом, благодаря своему поведению и выходкам.

Надо рассказать о том, в какой роли выступают „братишки“ на общественном поприще, и как своеобразно преломляются в их сознании, иной раз, политические лозунги. Мне вспоминается в связи с этим одна тяжелая история, главными действующими лицами которой были „братишки“, по недоразумению получившие наказ от производственной комсомольской ячейки—провести в деревне очередную политическую кампанию.

Эти боевые ребята, „охочие“ до всяких поручений, связанных с приключениями, заручившись, на всякий случай, наганом, и аршинными манда-

тами, — „простынями“, в которых были перечислены широкие полномочия, — повернулись лицом к деревне и поехали к мужикам „на подмогу“.

Шумно ворвавшись на мирный крестьянский сход и доложивши почтенному собранию о текущем моменте, и кознях империалистов, „братишки“ решили после этого отправиться на местную ярмарку и выяснить „что к чему“. Все сошло бы, пожалуй, благополучно, и „ответственные работники“, вероятно, не ударили бы лицом в грязь,—если бы перед этим они не испробовали хлебный крестьянский напиток большой крепости.

Вкусивши от древа зла, они потеряли способность здраво рассуждать, отдавать отчет в своих поступках,—и стали бесчинствовать.

Один из этих горе-пропагандистов, по прозвищу „Декрет“, как только появился на ярмарку,—сразу же приступил „к делу“. Зычным голосом оповестивши участников ярмарки о своем прибытии, он, копируя местного куплетиста, любимца публики,—Аркашку, встал в позу и начал речь:

„— Дорогие братишки. Правильно батко Махно сказал: нужно бороться, если не будем бороться,—не будет борьбы. Мы должны, а если мы не должны, то кому же мы будем платить“.

Повидимому эта клоунская выходка слушателям показалась не остроумной, достаточно надоевшей, а, главное, неуместной, потому что среди граждан прошел неодобрительный ропот, не предвещавший ничего хорошего. Из публики послышались негодующие восклицания.

„Консерватизм“ крестьянства, как и следовало ожидать, вызвал благородное негодование „революционно мыслящего“ товарища, в голове его „пошел шум“, а рука уже сжимала судорожно

револьвер. Энтузиаст по натуре, „Декрет“ на этот раз потерял полностью способность к анализу своих ощущений, а потому, не долго думая, решил призвать „несознательный элемент“ к порядку и, вытащив наган, выпустил подряд несколько зарядов в толпу беззащитных крестьянок. „Так его и шатнуло“, — рассказывали впоследствии очевидцы.

На этот раз, однако, крестьянская лошадка не вывезла. При первой же попытке к бегству „Декрета“ и его товарищей, крестьяне их задержали и, окружив плотным кольцом, повели топить. Случайно подвернувшийся милиционер вызволил братишек, но это стоило ему больших трудов. Своим агрессивным и диким выступлением „Декрет“ развязал крестьянскую инициативу в направлении, явно невыгодном для него и для всей молодежи, находившейся на ярмарке.

На другой день в Комитет Комсомола фабричного поселка прибыли ходоки и потребовали привлечения хулиганов к уголовной ответственности и исключения их из комсомола. Ребят исключили. Но вот, прошло несколько месяцев, дело в суде замяли, возмущение среди рабочего населения утихло, — вновь наши герои вступили в Комсомол. Они обещали, конечно, исправиться, однако, сведения, поступающие из Коломенского уезда, где они живут, — о том, что „братишечки“ кутят, устраивают публичные скандалы, дебоширят по вечерам на улице, — убеждают нас в том, что они и не думают исправляться. Характер их „общественной деятельности“ остался в основном тем же, что и раньше, — только с оружием они стали обращаться осторожней.

Некогда Королёнковский „бывший человек“ Прошка, весьма ядовито резонерствовал по поводу

„оскудения человечества“. — „Пьют, что ли мало“, — говорил он, „или женщин таких нету, чтобы от них человек сам себя забывал, — только нет в народе шири и размаха“. Мы думаем, что горький пессимизм Прошки оказался, по меньшей мере преждевременным, потому что любезный его сердцу скандалист — ветрогон, получил свое воплощение в лице „братишечки“.

Мне припоминается один вожатый, которого все знавшие его, звали „братишечкой“. Более подходящего наименования ему нельзя было придумать. Это был большой чудака, солдафон, муштровавший пионеров и по военному жестко обращавшийся с вожатыми звеньев. Человек ввел буквально военную дисциплину в отряде, — искренне полагая, что так и должно быть. Вообще говоря, это был большой оригинал, живой, остроумный собеседник, по своему не глупый. Он был мастер на выдумки, никогда не падал духом и потешал пионеров смешными рассказами и удивительно забавными номерами, которые он выделывал на велосипеде. Никаких бесед он не признавал и целыми днями занимался с ребятами физкультурой и пением.

Самое интересное в этом вожатом было, однако, то, что, во первых, он славился по всему рабочему поселку своими любовными похождениями, причем пионеров посвящал в свои истории и, во вторых, служил в Уголовном розыске. Ночами он участвовал в облавах на бандитов, и нередко к вечеру посылал пионеров к себе домой за оружием. Легко себе представить плоды деятельности этого вожатого среди пионеров. Ребята испортились в конце, — добывали где-то оружие пу-

скались в какие то таинственные приключения, и начали интересоваться половым вопросом. Нужно заметить, что этот вожатый, кроме всего прочего, страшно пьянствовал, устраивал часто дебоши в поселке. Этому герою, тов. Кузьмин, как-то посвятил даже специальный фельетон в „Комсомольской Правде“.

Пример показательный в том отношении, как „своеобразно“ увязывает „братишка“ свои личные запросы с общественной работой.

Было бы несправедливо отказать „братишке“ в некоторых положительных свойствах. Нельзя сомневаться, например, в искренности его намерений, когда он выводит на чистую воду действительных врагов рабочего класса. Бывает прав и „братишка“.

Нередки случаи, когда он накрывает афериста, растратчика, вскрывает темные истории на заводе и разоблачает бюрократа. Нет ничего плохого в том, что мотивированные, обоснованные „погромные“ выступления „братишки“ на общих собраниях покрываются аплодисментами.

Зоркий глаз „братишки“ иной раз безошибочно угадывает в некоторых совработниках людей разложившихся, чуждых Советской власти. И когда он узнает факты, добросовестно их исследует, выясняет причастность того или иного лица к мошенническим проделкам, выступает в роли обвинителя с проверенными точными материалами, тогда „братишку“ нужно только приветствовать.

А такие выступления у него, конечно, тоже бывают. Речь идет не об этом. Мы не хотим сказать, что „братишка“ человек пропащий, способный только на разрушительную деятельность. Совер-

шенно очевидно, что он имеет и симпатичные черты и поддается исправлению.

Отсюда не вытекает, однако, что недостатки „братишки“ нужно замалчивать. Снисходительное отношение к нему недопустимо уже по одному тому, что „братишка“ не подчиняется общественной дисциплине, в высшей степени дезорганизован, и так сказать, идет наперекор общественному развитию. К тому же нужно помнить, что „братишка“ среди некоторой отсталой части молодежи пользуется популярностью и оказывает на нее разлагающее влияние. Все это обязывает к тому, чтобы „братишка“ был подвергнут жесткому общественному воздействию.

Во всяком случае смешно „братишку“ изображать в наши дни передовым представителем рабочей молодежи. Объективно говоря — это не так. Между современным и прежним „братишкой“ целая пропасть. Поэтому нужно считать ошибочными и вредными попытки наделить „братишку“ наших дней революционными добродетелями, и считать его типом положительным.

Это не означает, однако, того, что во время войны „братишка“ будет играть отрицательную роль. Вернее всего наоборот. Но мы ведь говорим о мирных условиях.

„ПИЖОНЫ“

Общеизвестно, что рабочая молодежь не жалует франтов и презрительно отзывается о „жоржиках“, бросая им вдогонку при встречах колкие замечания, грубо высмеивая их дутую важность, кривлянье и т. н. „благородные манеры“.

Такое отношение к „пижонам“ нельзя считать случайным, основанным на недоразумении. Оно объясняется и оправдывается тем, что за культурной внешностью их, с претензией на „шик“, очень часто скрывается внутренняя пустота, бессодержательность и нечистоплотность, более или менее искусно прикрываемая щегольским нарядом. У С. Федорченко, в ее записях о войне, имеется одно выражение, как бы специально направленное против „пижонов“ „ни тебе учен, ни тебе умен, а словно индюк выхаживает“. Характеристика точная, безошибочная, — такой „пижон“ и есть на самом деле.

Их культурность ставится под сомнение, вероятнее всего, потому что из под верхнего платья молодых щеголей иногда, как на грех, выскакивает ворот, или рукав давно нестиранной нижней рубашки, принявшей кирпичный цвет от въев-

шейся в нее грязи, — а руки и шея, покрытые темным налетом, выдают в них людей, давно забывших дорогу к бане.

„Пижоны“ наводят на себя внешний лоск, проявляя необычайную заботливость к внешней стороне костюма — специально для того, чтобы казаться похожими на „интеллигентных“ молодых людей с Невского проспекта. Но есть у них, кроме этого, ряд других специфических черт, которые выделяют их из среды остальной молодежи.

„Пижоны“ бьют на эффект, усваивают „хороший тон“, принятый у людей получивших аристократическое воспитание, ломаются, как завязанные ловеласы и стараются выражаться литературней, пересыпая свою речь неправильно произносимыми иностранными словами, не имеющими, собственно, никакого отношения к разговору. „Пижоны“, как говорится, „хочут свою образованность показать“, и пользуются для этого каждым случаем.

Вряд ли сознают эти „фаты“, какое безразличное чувство они вызывают своей рисовкой и нескрываемым желанием зарекомендовать себя людьми просвещенными в глазах общественного мнения, — у рабочих ребят, имеющих сравнительно высокий культурный уровень, и тем не менее остающихся в тени, скромно умалчивающих о своих знаниях.

Когда студенты Рабфака приезжают на побывку в рабочий поселок, — их не видно, они не шумят, не стараются себя выдвинуть на первый план, — незаметно выполняя общественную нагрузку, а в кинематографе или на гулянке совершенно ступшеваются, не подчеркивая в разговоре с товарищами свое умственное превосходство.

Зато „пижоны“ в общественных местах выступают во всем блеске своей „эрудиции“, если так

можно выразиться, и бесстрашно пускаются в рассуждения о высоких материях. С удивительной развязностью, поучающим тоном и, конечно, громко, — они путанно и пространно поведствуют о последних открытиях науки и литературных новинках, пользуясь в этих случаях наспех прочитанными заметками из художественных приложений к „Рабочей газете“ и „Экрану“.

Когда их слушаешь, то перед глазами невольно встает один из героев конца Криворыльска, с „марксистической“ точки зрения очень тонко объяснявший, что „лошадь, конечно, сознательное животное, но против собаки оно никакой критики не выдерживает“. Поразительное сходство „пижонов“ с этим комическим персонажем пьесы Ромашева подтверждается их полной безграмотностью в научных вопросах, наряду с огромной претенциозностью. От них, точно также, как и от этой провинциальной „знаменитости“, можно услышать пламенные тирады о шахматном турнире, способные вызвать лишь смех у слушателей, — в стиле, превосходно показанном драматургом Ромашевым: „Какая-нибудь Капабланка играет по научной системе“... и т. д.

Во время действий „пижоны“ подают критические реплики, стараясь обратить на себя внимание публики. В кинематографе, как это верно отмечает один из комсомольских фельетонистов, они награждают аплодисментами ловкого шулера, оборотистого сыщика и внушительного господина с моноклем в глазу, чисто обстрипавшего коммерческое дельце, — этих традиционных героев авантюрной фильмы... Какойнибудь граф, авантюрист с изысканными аристократическими манерами, владелец притона и, в то же время, звезда салона

ограбивший банк на глазах у полисменов, завоевывает симпатию „пижонов“, и обсуждению его „подвигов“ уделяется не мало времени в их „беседах“. Долговязый денди, покоровивший сердца нескольких женщин, ослепительной красоты, уничтоживший всех своих многочисленных соперников, становится кумиром „пижонов“. Ему они даже подражают в своем быту, неуклюже копируя его манеры и „подход“ к женщине, получая т. о. в кинематографе своеобразное воспитание, усваивая сомнительные „добродетели“ королей экрана.

На клубных вечерах вы не увидите „пижонов“ в зале, где происходит собрание, они сидят в это время в буфете, потягивая пиво, или толкуются около входа, выполняя роль „церберов“, хватая за шиворот и выталкивая за дверь безбилетную публику. Но стоит им только услышать шум от раздвигаемых стульев, признак того, что официальная часть вечера закончилась, как они врываются в зал, делают озабоченный вид и начинают хлопотать о танцах, принимая на себя обязанности распорядителей. „Ангажировать“ на вальс, прищелкнуть каблучками, обвить талию дамы и прижать руку к сердцу, могут по „настоящему“ только они, — не даром учились!

Общественной работой они не интересуются, такими „пустяками“ им некогда заниматься, есть дела „поважнее“. Надо поспеть во время в кинематограф, попасть на вечеринку, сходить в условленное место, не пропустить хороший „товар“ (так „пижоны“ называют интересных женщин), словом, забот не перечесть, где уж тут до собраний и докладов.

По свободным вечерам пижоны показываются в свет и дефилируют по мостовой („на видном месте“), с музыкальными инструментами в руках, наигрывая модный вальс или напевая вполголоса „чувствительные“ цыганские романсы. Ходят они вразвалку, не спеша, в распахнутом пальто английского образца, остроконечных ботинках—утконосах („джимми“), небрежно одетой финке, распространяя вокруг себя запах третьесортного одеколона и „душистой“ помады.

Они большие любители сальных анекдотов и не стесняются их рассказывать вслух, покрывая при этом дружным хохотом плоские остроты собственного изобретения.

Каждый раз у них новое „увлечение“. Заприметившим неизвестную, впервые появившуюся на улице „красавицу“, пижон начинает ее обхаживать, а затем, познакомившись, берет ее под руку и уводит куда-нибудь в сторонку, подальше от народа. Так поступает каждый из этих в достаточной мере опытных Дон-Жуанов. На утро они сообщают друг другу о том, как умело, „по умному“ они воспользовались „случаем“ и „наивностью“ „глупой“ девицы.

Женщины, (точно также, как и карты), занимают большое место в жизни „пижонов“, — погоне за хорошим „товаром“ уделена значительная часть их времени. Живут они „без черемухи“ и не признают „сентиментов“. И именно в отношении к женщине сказывается аморальность их поступков, и глубокая развращенность. „Отделал“, а потом ищи ветра в поле.

Смешно было бы требовать от них уважения к женщине, когда она для них является, всего на всего, лишь объектом физиологических вожделе-

ний. Пижон умеет замечать следы, становится в оскорбленную позу, когда его обвиняют в разврате и гневно восклицает: „А свидетели были?.. А ктонибудь видел?.. Стану я связываться с вашими мордоротами, когда за мною стаями гонятся!“.

Всмотритесь внимательно в их лица и вы увидите потухшие глаза, покрытые мутной пленкой, обведенные темными порочными кругами, безвольную дряблую кожу на щеках, чуть чуть тронутых пудрой, бескровные губы, отвисшие книзу углы рта — это следы бессонных ночей, кутежей и неумеренного образа жизни. Пижоны „прожигают жизнь, наносят „пощечину общественному вкусу“ своим беззаботным, наплевательским отношением к здоровью, принципам и нормам поведения. Они подвержены пристрастию к алкоголю, азарту и всему тому, что пробуждает прилив внутренней неумной силы и придает лихорадочный темп жизни.

Это, прежде всего, завсегдатаи пивной. „Цыганский жанр“ — в их вкусе, — эротическая пляска пробуждает в них грубые чувственные желания, а цыганский хор волнует, бьет по их напряженным восприимчивым нервам, — создает иллюзию вольготной, широкой жизни, полной острых наслаждений, раздражая в них дремлющие инстинкты и отвлекая их от будничных забот.

Эти, культурные по виду и такие осмотрительные в трезвом состоянии люди, не в силах устоять перед вином, а когда пьянеют, то распоясываются и превращаются в хамов. Они кричат на низших служащих, выкатывая глаза, „тыкают“ каждому и готовы побить всякого, кто сделает им замечание — уважать человеческую личность они не хотят, да и не умеют, повидимому...

Пьяный „пижон“ любит покуражиться, полон величия, корчит из себя „идейного человека“ и проклинает „жидов“. Мне вспоминается в связи с этим следующая сценка. Один из таких молодых да ранних пшютов, барахтаясь бессильно в руках милиционеров, кричал, обливаясь пьяными слезами: „Пустите, сволочи! Идейного человека не понимаете! Козявки!“ А, за минуту до этого, он ударил в лицо рабочего подростка только за то, что тот смотрел на него удивленными глазами. — Пижон подошел к нему, смерил его взглядом, бросил в лицо: „Что смотришь, дурак? Пшол проць,“ — и ударил.

На утро, протрезвившись, пижон заискивающим тоном, с ужимками и подобострастным хихиканьем, убеждает начальника милиции в том, что такое недоразумение больше не повторится, он сам понимает, что не хорошо поступил, да, знаете ли, — прорвалась плотина душевных страданий... и т. д.

Что то гаденькое и липкое есть в „пижоне“, он вызывает одновременно и чувство отвращения, и жалости. Но нужно помнить, что он изворотлив, меняет свои цвета, как хамелеон, умеет применяться к обстановке и людям. Перед сильными мира сего он склоняет голову, зная, что без этого нельзя, удручая своего собеседника учтивостью и и высокопарными рассуждениями, состоящими из набора цветистых, но бессмысленных, хотя и „ученых“ внешне фраз.

В разговоре же с молодым и неразвитым рабочим — он совсем другой, — небрежно и высокомерно роняет фразы, рассеянно осматривается по сторонам, искусственно зевает, раскланивается то и дело с прохожими, сознательно отодвигаясь от

своего недостаточно хорошо одетого и робко почтительного собеседника. У „пижона“ на уме: „А вдруг еще подумают, что это мой близкий товарищ, — надо от него подальше, да и показать ему место следует“. Ясно теперь, за что рабочая молодежь так не любит „пижонов“. Ведь они сторонятся ее, боятся „запачкаться“, а в своем поведении лицемерны, двойственны, либо заносчивы, „задирая нос“, „не знамо чего“, либо трусливы, как зайцы, в зависимости от того, с кем имеют дело.

В рабочей среде они — отщепенцы, не знающие тяжелых условий труда и занимающие более или менее привилегированное положение. „Пижоны“ составляют незначительное меньшинство рабочей молодежи. На производстве они умеют устроиться, подлаживаться к администрации, разыгрывают из себя старательных рабочих, поддакивая все время мастеру, подчеркивая в разговоре с ним свое уважение и „бескорыстную“ привязанность.

„Пижон“ через некоторое время втирается в доверие к мастеру; вкрадчивым голосом, полушепотом, озираясь по сторонам, он докладывает ему то и дело о беспорядках в мастерских, о порче материала и т. д., — а то начинает с ним беседу на интересующую мастера тему, попадает ему в тон, а затем уже все идет как по писанному, цель достигнута: „пижон“ завоевывает симпатии мастера.

„Главный“ становится к нему не так требователен, как к другим, часто делает вид, что не замечает того, как „пижон“ опаздывает на работу или расхаживает по мастерским, засунув руки в карманы. Рабочая молодежь это видит, в ней просыпается глухой протест против такой неспра-

ведливости, и острая неприязнь к „пролазе“, „подлизе“ и „высочке“. Вполне естественно поэтому, что она иногда насмешливо, с чувством омерзения бросает в лицо „пижону: „Что губой то по полу возишь, ай наняли?“

Главное, что определяет характер поведения пижона на производстве, это — стремление прочно устроиться, побольше заработать, получить повышение по службе, а также заручиться доверием „начальства“. При достижении этой цели он не разбирается в средствах, берет лестью, доносом и услужливостью, как не безызвестный, возрождающийся в наше время Молчалин, о котором в свое время написал очень интересную статью, тов. Кузьмин Влад., в „Комсомольской Правде“.

Нередко случается, что пижона производят в табельщики, берут в канцелярию письмоводителем, или переводят в инструментальную, повышая, соответственно специальности, разряд. Получив назначение, „пижон“, облеченный властью, становится неузнаваем, строг и придирчив к своим бывшим товарищам, сбрасывает с себя личину рабочего и сам превращается в начальство“.

То, что пижоны не доросли до наших дней и живут в значительной мере традициями рабочего прошлого, — подтверждается их отношением к производству. Для них фабрика, как мы видим, делится на два этажа, в одном из которых живет всемогущая администрация (с ней надо жить в ладах и быть у ней постоянно на виду), и с другой стороны — рабочие, не играющие, по их мнению, сколько-нибудь значительной роли в производственной жизни, имеющие только одно право — на физический труд. Судьба рабочего зависит, как думают пижоны, исключительно от „началь-

ства“, перед которым, как и в прежнее время, нужно гнуть спину.

Они не понимают качественной разницы между старой и новой фабрикой, не могут уразуметь нового подлинно товарищеского типа отношений между рабочими и администрацией, не сознают огромной роли выборных рабочих организаций на производстве. Революция их нисколько не задела. Сознанию пижонов недоступны такие лозунги, как „режим экономии“ или поднятие производительности труда, потому что ими руководят лишь эгоистические побуждения и корыстный расчет, а до того, что фабрика является предприятием последовательно социалистического типа, им никакого дела нет, они это не способны понять, в них дремлет классовый инстинкт, и очень слабо развито чувство proletарского достоинства.

Таков „пижон“ на производстве. В личной жизни он, прежде всего, мелочен, расчетлив, любит выпить, закусить, ничего не заплатить и нагреть товарища на рублишко, другой, — в пивной или столовой.

„Копейка счет любит“. Он „водится“ только с теми, у кого есть, чем поживиться. Такова психология каждого пижона, поэтому они очень быстро находят дорогу друг к другу, организуя свою „бракку“.

Каждый „пижон“, отдельно взятый, не представляет собой сколько-нибудь серьезной общественной опасности. Он не разрешит себе один какой-нибудь дикой хулиганской выходки, зная, что за это дело можно поплатиться, и действует сообща со своими товарищами, крепко цепляется за них, в единении с ними обретая силу. Чрезвы-

чайню показательно, что, объединившись, „пижоны“ становятся наглыми, дерзкими, бросают в лицо прохожим оскорбительные клички, способны побить человека, наступают всем на ноги и отличаются неустрашимостью. Сообща они могут и изнасиловать девицу, и избить до полусмерти человека. Откуда бы у них взялся этому? — Вот тут то и становится ясным их содержание. Стоит им только организовать в более или менее крепкую, внушительную группу, как они сразу обнаруживают свое истинное, хулиганское лицо. Но как только „пижон“ остается один, так сразу же он теряет самообладание, становится смешон в своей беспомощности, превращается в жалкого труса.

„Пижону“ нельзя отказать в развитии и, даже, в начитанности, он не такой уж невежда, каким его считают, и кое что, действительно, хорошо знает. Очень существенно, однако, то обстоятельство, в каком направлении идет его развитие, какой литературный жанр он предпочитает, какой круг тем, по преимуществу, волнует его сознание. Нужно заметить, прежде всего, что общественная библиотека в очень малой мере удовлетворяет его литературные запросы, так как он предъявляет требование, главным образом, на лубочные авантюрные, а также, и по преимуществу, любовные романы до-военной марки, в которых, по выражению одного критика, „дамские панталоны занимают несуразно большое место“.

Пижон-любитель „клубнички“, ее он ищет и в книгах, — это очень похотливый человек, с резко выраженными порочными наклонностями. Об этом можно судить по его пристрастию к забористой литературе, распространяемой друзьями

„пижона“ в „рукописном виде“. Он записывает в специальную книжечку омерзительные по своему цинизму частушки, анекдоты и поговорки, по знакомству добывает и коллекционирует грязную порнографическую пачкотню такого „старого писателя“, как Барков, рассчитанную на безнадежных эротоманов.

Ничему иному, как блестящей инициативе „пижонов“ мы обязаны тем, что за последнее время, правда, из-под полы, и в узком, избранном кругу людей, нравственно опустившихся, распространяются похабные фотографические снимки и „классические произведения“ Баркова, графа Амори и др., — в которых ядреным, сочным языком, в чисто русском стиле, с тонким знанием дела, описываются всевозможные дикие половые извращения, какие только могут родиться в больном сознании.

Однако „пижоны“, будучи сторонниками реального описания человеческих отношений в их „подноготном“ виде, не отрицают все же необходимости художественного оформления материала, а поэтому снисходят даже до „изящной“ литературы, читая „Случайную женщину“ и „Синюю бороду“ Криницкого, не говоря уже о второстепенных произведениях этого литературного жанра.

В такой же мере их захватывают и авантюрные романы с сложной фабулой и „кровавыми“ подробностями про Джека Потрошителя или Адскую машину.

Но пижон читает и газету, — вот, казалось бы, показатель его заинтересованности общественной жизнью! Ему аккуратно доставляют „Рабочую Газету“ со всеми приложениями. Хорошо, — посмотрим, как и что он читает. Мне неоднократно

приходилось беседовать с „пижонами“, которые в достаточной мере откровенно высказывали тот взгляд, что в газете самое интересное и увлекательное это — отдел происшествий, судебный отдел, а иногда фельетоны и очерки, если они способны вызвать смех у читателя, или наоборот, рисуют в мрачных красках какое-нибудь уголовное происшествие. Первую же страницу пижоны никогда не читают: скучно, говорят, нудно, политика навязла в зубах. Совершенно очевидно т. о., что степень культурности пижона меньше всего может определяться тем фактом, что он выписывает газету. От этого он не перестает быть самим собой, не теряет своего характерного лица. Литературные приложения он просматривает невнимательно, читает отдел: „Со всего мира“, узнает о научных изобретениях и т. д., — и как бы вы думали, для чего? Главным образом для того, чтобы потом в широком кругу похвастать своими знаниями. Это очень характерный психологический штрих.

„Пижон“, разумеется, гнушается „черной работой“, и находит для себя неподходящим такое занятие, например, как уборка комнаты или мытье посуды. На этот счет у него есть свои принципы, которым он остается верен до конца. Не следует забывать, что „пижон“ презирует все „плебейское“, он мнит себя аристократом духа, если хотите, и почти уверен в том, что в его жилах течет „голубая кровь“. Он принципиально, из своеобразной гордости не возьмет в руки половой щетки или тряпки и не будет, так и знайте, — не будет протирать окна или выметать мусор из-под кровати, потому что он вам не какая-нибудь серая скотинка, а человек ин-тел-ли-гент-ный...

„Пижону“ не плохо живется в комнате, заросшей паутиной, он может сидеть за столом, на котором в живописном беспорядке разбросаны горы окурков, куски заплесневшего хлеба и гниющей колбасы. Он может спать на кровати, на которой постельное белье не менялось несколько месяцев и не ходить долгое время в баню. Ведь это мелочи его семейного обихода, которыми люди не интересуются. Заметьте: люди не интересуются.

На улице же и в обществе, рассуждает пижон, надо быть всегда приглаженным, напомаженным и расфранченным, потому что „интеллигентная“ внешность будет расцениваться общественным мнением, как следствие его культурности и хорошего воспитания. Тщеславие, как мы видим, здесь играет доминирующую роль. А под парчей внешней культурности пижона скрывается все тот же грязнуля и неряха, имеющий тем не менее наглую претензию выдавать себя за представителя культурной молодежи.

Этот „галантерейный“ молодой человек полагает, что галстук, манжеты и модная прическа — являются неперенными атрибутами культуры, да не нашей доморощенной советской, а западной, аристократической, „всамделишний“. На взгляд пижона, вся культурная проблема сводится, в сущности, к тому, чтобы наряжаться и прикрывать цветными тряпочками грязное тело. Такое плоское ее решение является продуктом невежества, умственной ограниченности и влияния на известную часть рабочего юношества, так называемой „золотой молодежи“, выросшей на дрожжах нэпа. Ее разлагающее влияние сказывается не только в этом, о чем мы будем писать как-нибудь особо.

Сейчас же заметим пока, что пижон в умственном и социальном отношении является человеком крайне отсталым и консервативным. Отсюда и его такой вульгарный, типично-мещанский подход к бытовым проблемам, выдающий в нем представителя прослойки в рабочей молодежи, духовно регрессирующей и отставшей от нашего века.

„Чемпионы“.

Знаменитый русский писатель, Тургенев, в свое время очень тонко и едко высмеял чрезвычайно курьезное, прямо таки анекдотическое представление о „герое“, имеющее большую историческую давность. Весь заряд его жгучей иронии был направлен против распространенного в то время „национального“ предрассудка, свидетельствующего о некультурности, изрядной умственной отсталости и своеобразной азиатчине русского „племени“.

„Герой, — писал он, — не должен уметь говорить: герой мычит, как бык, зато, двинет рогом, — стены валятся!“

Несмотря на свою очевидную карикатурность и неприглядность, облик „героя“, нарисованный мастерски рукой остроумного и злого живописца стал тем не менее, по воле истории, родным и близким русскому сердцу. Нашлись даже не в меру рьяные „патриоты своего отечества“, приписавшие нашему „могутному“, дикому и корявому Микуле Селяниновичу — истинно русские, самобытные черты, составляющие будто бы гордость нации.

Традиции изживаются крайне медленно и вот даже такой своеобразный, но примитивный, приносящий достоинство „россиян“, с позволения сказать, взгляд — оказался весьма живучим. Постепенно видоизменяясь, соответственно „требованиям эпохи“, он передался наконец и современному поколению и, что особенно печально, довольно крепко укоренился в рабочих кругах, особенно среди молодежи.

Стыдно сказать, но грех утаить: в некоторых фабричных районах чемпионы, действительно, окружены ореолом славы. Им ставится в заслугу ухарство, молодечество и неустрашимость, — словом, все то, что является показателем большой, феноменальной силы. Каждый их поступок, дышащий отвагой, расценивается, как проявление незаурядной, мужественной широкой натуры, — и вызывает у молодежи восхищение, постепенно переходящее в известную зависимость от всемогущего „геркулеса“.

„Чемпион“ — этот рослый, широкий в плечах, скуластый человек, с великолепно развитой мускулатурой, крепко посаженной головой на короткой бычьей шее и невзрачным лицом, обладает к тому же властным и неукротимым характером. К нему очень подходит известное выражение: „моему ндраву не препятствуй“.

Когда он идет по улице, грузный, наклонясь вперед, медленной качающейся походкой, тяжело ступая по мостовой и наваливаясь своим могучим корпусом на встречающих, — все уступают ему дорогу, — и он принимает это, как должное.

Он прекрасно знает цену своей силе и постоянно пользуется физическим преимуществом перед другими, находя его очень выгодным,

а иногда даже доходным. Однако, природа, одарившая его могучим сложением, отказала ему во многом другом: в умственных способностях, умении держать себя и уважать человеческое достоинство. Он тренирует только мускулы а по своей природе будучи ленивым и тупым, (он не любит думать, потому, „мозга“ тяжело ворочается) — естественно, увлекается только спортом, находя в „рекордсменстве“ свое призвание. Но, об этом — ниже. А сейчас, пока что, познакомимся с характером нашего „героя“.

Ограниченный духовно, болезненно раздражительный и вспыльчивый по пустякам, самолюбивый, как пудель, не умеющий сдерживать гнев, — он бывает почти всегда безрассуден. Его эгоистичная, упрямая и прямолинейная натура не знает компромиссов, а, тем более, норм поведения, он делает только то, что ему повелевает каприз и моментально вспыхнувшее желание.

Требовательный к другим, наглый, дерзкий и беззастенчивый, — он спекулирует своей силой, добываясь абсолютного повиновения. Все должны ему уступать, удовлетворять его прихоти, бояться его. С теми же, кто ему в этом отказывает, он расправляется по своему, коротко и беспощадно, твердо убежденный в том, что останется безнаказанным. А суд у него короткий и верный, — удар по лицу тяжелой, свинцовой лапой, от которого появляются темные круги в глазах и пропадает всякая охота связываться впредь с таким „битюгом“.

Мне отчетливо рисуется следующая картина, дающая представление о вздорном и буйном характере „геркулеса“. На стадионе — группа физкультурников из младшей футбольной команды

горячо спорит по поводу „аута“, нападая на судью, допустившего ошибку. К спорящим подходит наш знакомый, по пути наступая (повидимому нечаянно), кому то из ребят на ногу. Пострадавший, изменившись в лице, побледневший от боли, мучительно цедит сквозь зубы: „У, сволочь, даже не смотрит себе под ноги. Какая наглость!“ Гнев моментально овладевает „геркулесом“, вся кровь приливает ему в голову, он оборачивается к обидчику, неосторожному на язык, и наносит ему увесистую пощечину.

Пантера, дремлющая в нем, готова выпрыгнуть каждую секунду, вид у него становится угрожающим, весь ошестинившись, сжав кулаки, он готов тотчас же вступить в сражение.

Но где уж физкультурникам, — разве с ним справишься. И они оставляют его одного, окружая своего избитого товарища. А наш богатырь, успокоившись, с видом победителя, заложив руки в карманы и посвистывая, направляется к выходу.

Показательно то, что за свой тяжелый, хамский поступок, этот молодой негодяй ничем не заплатил. Наоборот: о нем после этого происшествия стали много говорить, — да как!.. „Вы подумайте только, какой смелый и гордый малый“. — „Никого не боится, — себе на ногу наступить не позволит“. И получилось так, что после хулиганской выходки, отзываться о нем стали с уважением (чего раньше не было) — и бояться его стали больше, чем прежде... Остается только развести руками!

Другой пример. По поселку идут втроем, обнявшись „чемпионы“. Их ленивый взор случайно останавливается на афише, вывешенной около театра. Но им плохо видно, так как вылот-

ную к афише подошли два подростка из фабзавуча. Тогда один из „чемпионов“ широким взмахом руки отбрасывает в сторону ничего не подозревавших фабзавучников. Ребята встают с земли, отряхиваются и, глубоко возмущенные, с глазами, полными слез, называют их нахалами.

Второй взмах руки, — жест методически спокойный, — и щека фабзавучника, осмелившегося сказать дерзость, моментально вспухает, принимая фиолетовый цвет. После изучения афиши, „трио“, как ни в чем не бывало, продолжает свою прогулку, задевая прохожих и пуская им папиросный дым в лицо.

Из этого примера видно, что „чемпионы“ иной раз не прочь щегольнуть своими держимордовскими замашками.

— Как то в будни, рассказывал мне один товарищ, когда рабочий клуб был заперт по случаю выходного дня, сторож услышал, что кто то ломится в дверь. Он поспешно спустился вниз и спросил, что нужно. В ответ ему послышалось рычанье, перемешанное с трехэтажной руганью, и, ничего хорошего не предвещавшее категорическое требование — открыть дверь.

Оскорбленный сторож отказался впустить грубияна и попросил его удалиться. Иначе, — заявил он, — мне придется прибегнуть к помощи милиции. Не успел он опомниться, как дверь затрещала и рухнула под напором тела „просителя“. Перед глазами сторожа предстал местный боксер, так сказать, „кулачная знаменитость“, вдребезги пьяный, с перекошенным от злобы лицом. Он начал трясти за грудь сторожа, затем взял его на руки и подбросил несколько раз вверх.

Тот успел крикнуть милиционерам, находившимся поблизости, которые и прибежали ему на подмогу, но все их попытки усмирить буяна завершились самым плачевным образом. Он подмял под себя всех троих стражей общественного порядка и, поколотив их крепко, ретировался из клуба.

Весть об этом происшествии на другой день облетела весь рабочий поселок. На виновника страшной беды смотрели почтительно, и никто не посмел сказать ему ни слова.

Не думайте, пожалуйста, что „чемпивон“ после этого исправился хоть скольконибудь. Наоборот, — он почувствовал себя почти что „молодым богом“ и стал еще более бесцеремонным.

У Леонида Леонова есть замечательное выражение, которое в точности передает характерную фигуру „чемпивона“.

„Цветет снаружи буйный цветок, а снизу черствеют и удлиняются злые чертополошья корни“.

В „чемпивоне“ заложена грубая, необделанная, черноземная сила. Она бурлит в нем, как вулкан и, не находя себе разумного приложения, идет на „мордобой“ и хулиганство в его различных проявлениях. Эта дикая необузданная натура не подчиняется воздействию коллектива и общественной дисциплины.

Духовно никчемная, распущенная, бесшабашная, вольготная, как „гуляй-поле“, — она злобствует, причиняет боль другим, отчаянно хулиганит, внося сумбур в жизнь окружающих. Разве неверно то, что она, действительно, имеет чертополошья корни, дающие гнилые, ядовитые соки? И надо много поработать над ней, взяв ее в железные тиски организованного коллективного воз-

действия, чтобы сделать ее общественно полезной, или, хотя бы, безвредной.

По отношению к „чемпивонам“ должна быть взята жесткая линия поведения, — здесь необходима и карательная политика. Надо во время ударить по рукам обнаглевших „чемпивонов“, из которых могут вырасти (и растут), общественные преступники, первоклассные мерзавцы. Между тем, повторяем, в среде молодежи, не всей, конечно, а известной ее части (это отмечает и т. Сосновский), — развито дружелюбное отношение к этим „деловым ребятам“, граничащее иногда даже с преклонением. Вот это то и мешает нам выплотить с корнем бурьян, который засоряет молодую поросль революции.

На большой дороге рабочего поселка, где гуляет по вечерам молодежь, остановилась группа местных „чемпивонов“ вместе со своей свитой. Они только что крепко „дернули“, и, захмелевшие, ищут повода для того, чтобы созорничать и наглумиться над кемнибудь. Навстречу им идут несколько крестьянских парней, прибывших из деревни — посмотреть новую фильму в кино.

— Ага, голубчики, попались, — говорит один из „чемпивонов“, приближая их к себе. Он делает знак остальным своим собутыльникам, и те окружают плотным кольцом растерявшуюся и струсившую деревенскую делегацию.

— „Вы чьи?“ — спрашивает „чемпивон“ одного из пленников, прищуривши глаз и раскорячивши ноги.

— „Свои ребята“, — отвечают те упавшим голосом.

— „Свои“, — рычит моментально озверевший „чемпивон“. — „Врать?“ Свои у нас все дома, а чужих мы не звали“. И вот, в наказание за „ложь“, да и просто потому, что ведь, надо же на комнибудь отвести душу, „чемпивоны“ хватают ни в чем неповинных ребят за шиворот и сильным ударом ноги в тыловую часть вышибают их из круга. Ребята встают и бегут подальше от „затейников“, что есть силы. Не правда ли, чрезвычайно остроумный способ развлечения выбирают „чемпивоны“?

В изобретательности им, во всяком случае, нельзя отказать.

Или, вот, сценка на катке. Мчится по льду, развив предельную скорость, „чемпивон“, выделывая фигуры. Кто то пересекает ему дорогу. Тогда он ударом кулака сшибает его с ног, и, очистивши себе дорогу, мчится дальше.

„Геркулесы“, как сказано выше, очень увлекаются спортом, но для них он не является средством оздоровления, а лишь одним из видов развлечения. И даже более того: спорт они рассматривают, как профессию, которая создает им большую популярность. Вы думаете они занимаются по программе, считаются с инструкторами и являются примером для остальных физкультурников? Нет, это не так. Каждый вечер они приходят в спортивный зал и, разгоняя в стороны „мелкоту“, упражняются на трапециях, подымают тяжести и состязаются в борьбе.

Входит инструктор и просит кончить баловство, предлагая заняться организованной тренировкой. „Чемпивоны“ словно и не замечают ин-

структора, продолжая заниматься тем, что им нравится. И так повторяется почти ежедневно.

Инструктора рассказывали мне, какое разлагающее влияние оказывают „чемпивоны“ на остальную молодежь, занимающуюся спортом. Мало того, что они губят свое здоровье (чрезмерное увлечение рекордсменством крайне вредно), они и других втягивают в это дело, срывая занятия и внося разброд в ряды физкультурников.

Вот какие мне передавали факты. На одном из футбольных состязаний „чемпивон“ сломал ногу своему товарищу, а другой его „коллега“ ухитрился так ударить ногой в живот футболиста забивавшего матч, что того пришлось отвезти в больницу „с поля брани“.

Иногда в спортивный зал врывается пьяная ватага рекордсменов, которая устраивает скандал и угрожает инструктору разделаться с ним в том случае, если он будет им мешать.

Вот вам лицо „рекордсмена“. Как видим, этот узколобый „герой“, — не нашего времени. Он представляет довольно серьезную потенциальную (скрытую) опасность для общества, не говоря уже о его вредоносной деятельности в настоящем. Его нужно сейчас же взнуздать — иначе он наделает много бед. Жизнь его прошумит и уйдет, но хулиганская деятельность его оставит пагубные следы. Язык у него немой, — он говорит кулаком, — увесистым и тяжелым, как молот. Он дик, туп, невежествен, и по существу своему анти-социален. Это должна понять и осознать рабочая молодежь, до сих пор еще видящая в нем, по какому то странному и обидному недоразумению, „героя“.

Объявляя борьбу с хулиганством, мы не должны упустить из поля своего зрения и „чемпивона“. Давно, давно пора призвать его к порядку и обуздать, потому что он слишком часто дает знать о себе, мешает нам работать и творить новую жизнь.

Заметки о комсомольском быте.

„Не о единой политике жив комсомолец“.

Некоторые комсомольцы (особенно деревенские), с превеликим старанием „переоценивающие“ старые ценности, относят, между прочим, к числу буржуазных предрассудков игры, пение, пляски и танцы.

И таких комсомольцев не один и не два. Заглушая в себе все, что от „лукавого“, т.-е. от юности, они выступают в роли политических гувернеров остальной молодежи, отпугивая ее от себя мало понятными, выпренными рассуждениями. Разумеется, они совершенно не учитывают и того, что у молодежи имеются специфические запросы иного порядка, объясняемые возрастом.

Эти комсомольцы полагают далее, что „легкомысленные“ занятия (как, например — игры и пляски) если и разрешаются, то только беспартийной молодежи, лишь благодаря ее политической и культурной отсталости.

Комсомолец же, по их мнению, должен вести чуть ли не аскетический образ жизни, быть в разных обстановках и в одинаковой мере серьезным, и подходить ко всему „с точки зрения“.

Словом, не комсомолец, а какой то мешок, начиненный мудростью или какая то ходячая энциклопедия.

Если такие комсомольцы — исключение из общего правила, — то нужно отметить, как явление довольно типичное, главным образом, для комсомольского актива, что большая часть его живет только политикой, перегружена работой и не по летам „рассудочна“.

Едва ли такое явление можно считать совершенно нормальным, так как это, несомненно, засушивает молодежь. И не даром один из наших стариков как то с горечью заметил, что если комсомольцы на собраниях поражают своими ораторскими способностями и прекрасной ориентировкой в политических вопросах, то в быту они отталкивают от себя схожестью с чеховскими героями в „футлярах“.

Все это заставляет призадуматься. Действительно, молодежь зачастую перестает походить на молодежь. Приглядитесь внимательно к комсомольцам в быту, и вы невольно подумаете, что они как бы потеряли способность по юношески воспринимать жизнь, как бы утратили свою непосредственность, изобретательность и гибкость, юношескую порывистость, свежесть и жизнерадостность смеха — и стыдятся всех этих великолепных качеств.

Зато они приобрели — и в больших, пугающих размерах — резкость в движениях, суровость в поступках, безапелляционность в суждениях и полное пренебрежение

к тому, что не импонирует, так сказать, задачам текущего момента и тому высокому положению, которое занимает, скажем, член бюро райкома ВЛКСМ и вообще видный комсомольский работник.

Этим и объясняется то великолепное презрение многих комсомольцев к играм и прочим развлечениям, которое дает себя чувствовать с ошутительной остротой.

Этим объясняется и нездоровое увлечение комсомольцев фразой, а также и тяга их к взрослому аудитории.

Комсомольцу тесно в рамках своего возраста, он их старается перепрыгнуть, да, пожалуй, порой и перепрыгивает. А между тем это — уже искривление роста. Быть юношей со всеми особенностями этого периода, в человеческом развитии, совсем не грех, совсем не плохо и, конечно, необходимо.

„Не делайтесь стариками“, — сколько раз звучал этот предупреждающий призыв к молодежи, и, в первую очередь, к комсомольцам.

Слова Пушкина — „Блажен, кто со молодю был молод, блажен, кто во время созрел“ — не потеряли для нас до сих пор своего значения.

Жизнь подтверждает, и, к несчастью, слишком часто, что преждевременно состарившиеся, быстро надорвавшиеся физически и переутомившиеся умственно люди особенно подвержены упадочническим настроениям и разочарованию в жизни. Нужно говорить прямо: от этого мы не гарантированы и в дальнейшем.

Дутая, павлинья важность в наших условиях почитается кое-кем за необходимый и основной

признак дисциплины и деловитости. Но здесь уместно будет напомнить, что хулиганство и расхлябанность с одной стороны, юношеский задор и острота восприятия жизни с другой,— особенности характера, взаимно друг друга исключают. От того, что их постоянно смешивают, у нас происходят курьезные недоразумения.

Почему же, спрашивается, вести себя порой „по-мальчишески“ у нас считается постыдным? А это факт. Совершенно непонятно так же, почему всякая инициатива в придании веселого колорита собранию молодежи заглушается.

Могут сослаться на хоровые песни. Да, хоровые песни, конечно, у нас поощряются, но этого мало, а ведь этим круг развлечений молодежи и ограничивается. Но, строго говоря, даже хоровое пение не есть развлечение: это—неизбежный придаток к собранию и всей общественной, массовой работе; да так его и рассматривают.

Здесь же мы хотели остановить внимание т. т. еще на одном забытом, но верном положении, что „не о единой политике жив человек“. Это положение особенно верно для молодежи.

А комсомольцы всегда почти подводят под себя, если так можно выразиться, идеологический „базис“, рассматривая даже развлечения с „принципиальной“ стороны, чрезмерно этим увлекаясь.

Комсомолец старается в каждую игру непременно вложить элементы политики. От этого то комсомольцы, представляющие собой все же молодежь, порой теряют свой истинный, природный облик.

А между тем нельзя смешивать одного с другим, необходимо знать чувство меры и соблюдать пропорции.

Где он, новый комсомольский быт? В то время, как он должен произрасти из старого быта, он надумывается, а старый быт и не думает умирать.

Танцы, например, осуждаются, их мещанский характер выявлен в статьях и речах.

Приходят комсомольцы на вечер и срывают танцы. Их спрашивают: „а где же новые формы быта?—Сколько угодно!“ Ответ не заставляет себя ждать.

Устраиваются вечера юнсекций, вечера самостоятельности, семейные вечера.

Но будем строгими к самим себе и спросим... Можно ли назвать семейными вечера, на которых вечеру, собственно, предшествует продолжительное заседание с неподдающимися регламенту докладами?

Правда, музыка скрашивает однотонность и вялость вечера, правда на этих вечерах декламируют патетические стихотворения, ну, а дальше?.. Что же еще?..—Политфанты, политлотерея?..

Политфанты,—ну, простите, это веселое занятие, как правило, напоминает политпроверку, а ее не то что беспартийная молодежь, комсомольцы рядовые, как огня, боятся. Нам пришлось быть свидетелем того, как одна крупная производственная ячейка с целью популяризации кружков политграмоты организовала „вечер рабочей молодежи“. Вечер прошел на редкость тоскливо. Дух политграмоты витал над залом. В программу вечера вошли три доклада и политфанты. Положение у организаторов вечера получилось весьма конфузное, так как молодежь очень переутомилась и ждала чего то. А этого чего то не оказалось. Все сидели на стульях, обмахивались платками, слушали рассеянно беспрерывно гремевший

оркестр. Затем, как по команде, встали и, видимо, совсем неудовлетворенные вечером, разошлись. Заметьте, — политфанты были исключены из программы, т. к. они явно шли вразрез с настроением молодежи.

Неизбежный и всем нам хорошо знакомый конец. Но как уместно вспомнить в таких случаях пословицу: «время делу, потехе час». Час отдыха должен был доставить молодежи облегчение за тяжелый умственный и физический труд, повседневно ею выполняемый. Ей нужно было движение, ей нужно было разгорячить кровь, ей нужно было вызвать румянец на свои поблекшие щеки от механической производственной работы и академических занятий. А мы ей преподнесли оригинальный вариант политграмоты и думаем, что это и есть отдых.

Характерная особенность таких вечеров в том, что в них отсутствует внутренний подъем и преобладает внешность.

Ничего другого не может получиться из программы, которая пытается не перестроить старый быт, а искусственно привить новый теоретический быт по Бердникову и Светлову.

В заключение мы еще раз подчеркиваем, что указанная „болезнь“ не распространяется к счастью на всю комсомольскую массу, а представляет собой, по преимуществу, „профессиональную“ болезнь комсомольского актива. На это есть, конечно, свои причины. Главные из них: засушливость работы и чрезмерная нагрузка.

Но вся беда в том, что многие активные комсомольцы придерживаются совершенно сознательно

своеобразной аскетической морали. Покоится она на том неверном принципе, что звание передового комсомольца будто бы связано с отказом от полноты жизни. Несмотря на очевидность той истины, что „коммунисту, а тем более комсомольцу, ничто человеческое не чуждо“, многие комсомольцы пытаются исходить порой из дутых принципов и признают достоинством свою односторонность в воззрениях на жизнь.

Мы не предлагаем переходить к голому культурничеству. Совсем нет.

„У вас, у комсомольцев, — говорил нам как-то один товарищ, — политвечера, политфанты, политлотереи, кругом — полит, но вам, ведь, нужна жизнь и без полит, что, конечно, не исключает полит“.

Речь идет об оживлении комсомольского быта, и в этой плоскости должен ставиться и разрешаться вопрос.

II

Комсомольский „жаргон“ и комсомольские „обычай“.

Одно время на страницах „Молодого Ленинца“ горячо дебатировался вопрос о том, какая форма обращения должна найти место в комсомольском быту.

Большинство т.т. без малейших колебаний присоединилось к той точке зрения, что обращение на „ты“ куда более созвучно эпохе и в большей мере отвечает задачам общественного воспитания, чем обращение на „вы“.

Иного разрешения вопроса и нельзя было ожидать.

В самом деле. Разбитной комсомолец, в совершенстве владеющий такими „литературными“ оборотами речи, как „брось губами шлепать“, „трепышки продавать“ и награждающий своих приятелей столь выразительными эпитетами, как „шмуляга“, „задрыга“, „зануда“, считается у нас компанейским товарищем, безусловно идеологически выдержанным и, разумеется, пролетарского происхождения.

Если такое обращение считать нормальным, то едва ли стоит удивляться и тому, что комсомольцы уже при первых встречах, игнорируя условности, всячески фамильярничают и хлопают друг друга по плечу, так же поступая при встречах и с людьми пожилыми.

Товарищи же, считающие более культурным и просто вежливым обращение на „вы“, приносящие в известных случаях извинения, кажутся, наоборот, многим комсомольцам выходцами из социально чуждого мира или, по меньшей мере, не порвавшими еще с пережитками буржуазного воспитания.

У комсомольцев в порядке вещей, например, разговаривать со старыми партийцами и вообще людьми пожилыми непринужденно, и это было бы не плохо, если бы непринужденность в представлении некоторых т.т. не граничила с развязностью.

Но такой комсомолец чужд самокритики. Стоит вам только сказать ему, что он ведет себя бестактно, как на вашу голову посыпется град упреков, что вы не знакомы с пролетарской этикой, что вы не совсем свободны от заблуждений в вопросе о поколениях и т. д., и т. д.

В комсомольском общении имеется свой лексикон слов, грубоватых, крепких и замеча-

тельно бесцеремонных — рассчитанный на невысказательность, на упрощенный тип отношений.

В его необходимости можно сомневаться.

На это замечание приходилось слышать такие возражения, что „пусть наш язык грубоват, примитивен — мы же не интеллигенты, а безграмотные пролетарии, и в университете не обучались“.

Этот вывод не совсем убедителен и во всяком случае он не может служить мотивом к тому, чтобы культивировать и поощрять то, что создавалось, как результат былого политического и культурного угнетения.

А попытки к этому налицо. Один тот факт, что говорят об особом примитивном комсомольском жаргоне, свидетельствует о таких попытках.

Несомненный психологический интерес представляет и репертуар комсомольских песен.

Возьмите, например, такую песню, как „Долой, долой монахов“... По смыслу это — хорошая песня.

Нехорошо, однако, то, что исполнение ее походит на своеобразное горлопанство.

Комсомольцы обычно игнорируют окружающую обстановку и, где бы они ни были, поют всегда — кто в лес, кто по дрова, — обязательно громко, с претензией на то, чтобы произвести „потрясающее впечатление“.

Думается, что популярность среди комсомольцев политически острых песен и их далеко не музыкальное исполнение объясняются желанием бравировать своей нарочитой грубостью и полным презрением к так называемому „этикету“.

А в этом ничего хорошего нет.

Казенщина речи в комсомоле — явление заурядное.

Если хотите, это считается даже кое-где признаком хорошего комсомольского тона.

Уже тяжело и психологически просто невозможно слушать речи об империалистическом окружении, собачьей своре капитала, узурпаторах и т. д.

Нужно согласиться с тем, что это шаблон, к тому же порядком отдающий митинговщиной.

Пора отвыкнуть от зубодробительных речей и научиться говорить проще, вместе с тем литературней и осмысленней. На местах и сейчас можно найти не один десяток комсомольцев, застывших в своем развитии, не идущих дальше агитаторских приемов лихого оратора 1918 года, беспощадно расправляющегося с „буржуазной сволочью“, но совсем неясно представляющего себе международную обстановку и политику партии в том или ином вопросе.

Вот с чем нужно решительно бороться, так как это уже больше чем издержки роста — это тормоз, препятствующий общественному воспитанию в широком понимании этого слова.

Подобный тон переносится и на быт.

Обратимся к таким ходовым выражениям, как: „мещанка“, „демагог“, „насквозь прогнивший интеллигент“ и т. д.

Если уж говорить по-чести, то вряд ли все комсомольцы уяснили себе полностью смысл и значение приведенных слов.

А между тем это излюбленный прием — наклеивать такие ярлычки на своих же товарищей-

комсомольцев. При чем делается это зачастую не потому, что ярлык отвечает действительности, а просто так, „по привычке“ бросаться крепкими словами.

Есть основание думать, что сказанное выше может считаться типичным лишь для известной и притом меньшей части комсомола.

Однако, если взять даже вполне грамотный политический актив, то и здесь мы встретимся с одной хронической, так сказать, болезнью, вызывающей не малые опасения, а именно, с тенденциозной манерой говорить о политике высоким стилем, с чрезмерным увлечением политическими и „трескучими“ фразами.

Бесспорно, что на языке наших критически мыслящих комсомольцев имеется казенный налет, мешающий им изъясняться свободней и проще.

Ведь прямо режет ухо заученность выражений у комсомольцев. Иногда можно заранее предугадать, что и в какой форме скажет тот или иной товарищ. Послушаешь раз, два одного комсомольца и спрашиваешь себя: неужели у него не находится других более непосредственных слов, отвечающих его мыслям, настроениям и впечатлениям?

И как это ни странно, на этот вопрос чаще всего приходится отвечать отрицательно.

Едва ли все описанное можно принимать всерьез за добродетель. Наоборот. Все это свидетельствует о недисциплинированности ума, о самонадеянности, в смысле своеобразной хлестаковщины. Всему этому должна быть объявлена борьба.

III.

О смехе и жизнерадостности.

Всплеск удивленья, трепет вдох-
новения —
Рассудком вылудил железной
хватки век.
Людей по цехам этот век рас-
сек.
И вместо задушевного волненья,
Профессией повеял человек,

В. Жазин.

„Хорошо умеет жить тот, кто любит смех“ — сказал Горький. Но сейчас у нас не умеют смеяться, — подчас даже „юные, гордые, смелые“, не то что старики. Вероятно, не хотят, сдерживают себя. Но, быть может, не умеют, разучились. Серьезней стали.

Во всяком случае, смех утратил свою свежесть, прелесть непосредственности и искрометной радости. Он не захватывает и не заражает эмоционально, да и не слышно его что-то.

Утверждают, что это к лучшему, потому что смех, как принято думать является одним из признаков легкомыслия. И вот именно поэтому редко, редко можно встретить теперь молодого человека, на лице которого цветет улыбка, в глазах рассыпаются лукавые огоньки, весь же вид его свидетельствует о значительном внутреннем подъеме. А как жаль! Ведь хорошая, чистая улыбка греет, и она напоминает людям хмурым, болезненно раздражительным о том, что есть и лучезарная юность, не знающая „грусти и тоски безысходной“.

Фальшь у нас предпочитают и иногда искренности и непосредственности. Это нужно признать.

Звонящий, как серебряный колокольчик смех комсомолки, не умеющей скрывать своих переживаний, сердце, которой полно огня, а энергия брызжет через край, — врывается диссонансом в обычную „деловую“ обстановку и кажется дерзким. Десятки уничижающих взглядов и негодующих восклицаний встречают это „легкомысленное“ проявление молодости.

И вновь гаснет широкая, открытая улыбка, срывается и смолкает звонкий хохот, на смену же ему приходит придушенный, сдержанный смех и артистическое, полное достоинства покашливание благоразумных людей, мрачно сдвигающих брови.

Товарищей, одаренных природным юмором, иронией и неистощимым остроумием, мысль которых играет, поражает то и дело новизной своего выражения и особой, присущей этим людям, динамичностью, — сейчас не ценят, да и не понимают часто. Их шутки кажутся неуместными, вызывают недоумение и служат поводом для упреков в несерьезности и „мальчишестве“.

Зато тяжелодумы — эти резонерствующие молодые люди всегда с цитатами наготове, наделенные философским складом ума и эпическим спокойствием, читающие, где придется, заученные проповеди о „высоком и прекрасном“ — стали положительно героями нашего времени. А вот подите же, никто не хочет сознаться в том, какие это убийственно скучные и тяжелые собеседники, как холодно с ними, какие они бездушные и казенные люди, как хочется гневно протестовать, когда слушаешь их высокопарную, насквозь фальшивую декламацию.

Говорят, что таков стиль нашей эпохи, — она сурова, ей нужны серьезные, глубокие и черствые

люди с большой выдержкой, твердым характером и рационалистическим складом ума, а не какие-нибудь „эмоциональные“ субъекты.

Полно, так ли это? И если даже так, то при чем тут чопорность? Молодой революционер, забронированный в непроницаемую кольчугу, „железный“ человек с остывшим сердцем; нахмуренным лбом и твердо сжатыми губами, — да, ведь, это даже смешно!

Вряд ли, все же, так безжалостна эта эпоха, насыщенная революционной страстью, что она накладывает запрет на животворящую юность и осуждает молодость, не умеющую сдерживать своего восторга перед радостью бытия. Наоборот, нашей эпохе, такой мятежной и яркой, нужны люди с большим политическим темпераментом, натуры целеустремленные и огневые, умеющие смотреть на жизнь ясным, смелым взором, с безоблачным лицом.

И, не правда ли, что все эти выдумки людей, зараженных преждевременной старостью, не умеющих трепетно, по-юношески, ощущать и любить жизнь, всегда одинаково солнечную и прекрасную, несмотря ни на что, даже в самые тяжелые, безотрадные минуты! Но, если правда на их стороне, тогда придется, повидимому, признать за горькую истину пессимистическое предвидение одного из наших поэтов, который пишет, что современем:

Каждый каждого встречать охотней будет
По знакам вывесок, чем по сиянию глаз.

II.

...Ах, как надоели молодые, „сверх-человеки“ с мировой скорбью в глазах, про которых так

хорошо сказал поэт Аксенов: „Благодетели, зовите пожарных, тушить мировую скорбь!“ Они, такие грозные и неустрашимые на вид, считают, что суровость в быту является подлинным украшением и истинной добродетелью пролетарского революционера. Они кривят губы и сквозь зубы цедят прописные истины из политграммоты о дисциплине и сознательности, когда услышат „аполитичную“ остроумную реплику или шутку на собрании.

Они так гневно взирают на „распустившихся“ комсомольцев, отделяющих трепака. Они, наконец, с решимостью, достойной полководца, ведут наступление на молодежь ту самую, для которой „горе не беда“, когда она в минуты отдыха и веселого расположения духа рассыпается хохотом.

Доступно ли им искусство и эстетика и могут ли они воспринимать его не только рассудком, но и эмоционально приять его, заразиться творческим вдохновением? Тянутся ли они к нему? — Нет, нет и нет. В них еще живут традиции тех лет, когда искусство считалось праздною забавой, а грохот пушек заглушал мощную симфонию Чайковского.

Но то, что было естественно в годы „великого перелома“ превратилось у них сейчас в своего рода болезнь отрицания и сознательного игнорирования искусства, как силы, воздействующей на человеческие эмоции и воспитывающей у человека художественный вкус и чувство красоты. Они, видите ли, признают жизнь в ее неприкрашенном виде, а искусство, оказывается, представляет собой позолоченную пилюлю и рассчитано, как они думают, на людей с развинченной психикой и слабыми нервами!

То люди, быть может, с крепкой большевистской закваской, преданные революции, но жизнь их не полнокровна, лишена ярких красок и подлинных чувствований, — в ней нет главного: юношеской непосредственности, простоты и лучистой радости.

Зачем же они так мрачны, суровы и непоколебимы в быту, почему около их губ застыла горькая складка, кому нужна их излишняя серьезность, какая-то особенная торжественность в поведении и напыщенность?

„Это люди, у которых вместо души — популярная библиотека, а ум их выставлен парадно, на показ“ (Горький). Да, это верно. И, рано или поздно, они почувствуют, как тяжело сознавать свою оторванность от „живой жизни“, и как горько будет мириться с тем фактом, что они сами сделали еле заметным свой юношеский облик. И никто не может поручиться за то, что эти люди, такие крепкие и мужественные на вид, сразу вдруг не поддадутся тяжелым размышлениям о смысле и бренности человеческой жизни.

...Но те, у которых в душе
Есть много и шири и света,
Под шуткой откроют всегда
Слова и любви и привета.

(Гейне).

III.

Народился новый тип молодежи. О нем пишут, что он тянется к „горьким ядам“ и мечтает о „глубом покое“. А так как некоторые товарищи внушили себе, что он является распространенным, то по этому случаю проливаются слезы, исписываются кипы бумаги и дискутируется вопрос о

том, что нужно: „бороться, работать или опустить руки“.

Да, сейчас, действительно, можно увидеть и страдальческие лица. Сколько людей начинает копаться в своей душе; развелись пессимисты, малoverы, люди, психически развинченные и безвольные. Тяжело признаться в том, что речь идет о молодежи, так обидно за то, что в ее среде находятся люди, которых легко подрубить с корня. Много серьезных причин находят для объяснения этого грустного явления. Пишут, что это — моральный кризис людей, не знающих, куда они идут, неуверенных в победе, не видящих завтрашнего дня, запутавшихся в противоречиях переходного периода, да и просто переутомившихся.

Правильно ли поставлен диагноз? — И да, и нет. Конечно, доля истины заключается и в приведенных утверждениях. Но, когда пишут о Есенине и его влиянии на молодежь, то совершенно упускают из виду, что этот писатель еще не дошел до рабочей молодежи, взятой в массу. Когда поют отходную молодежи, то не понимают того, что упадочническими настроениями заражена лишь незначительная и деклассированная часть ее, достойная порицания и полного осуждения, уже хотя бы потому, что она ушла в себя, оторвана от живого дела и не принимает действительного участия в великой социалистической стройке.

Разве неверно то, что именно от некоторых „свободных художников“, молодых писателей, поэтов и т. д. — сильно повеяло последнее время духом морального разложения? Кто не знает того, что многие из них ушли в бегство, что материал для своего „творчества“ они черпают в пивных, кабаках и на бульварах, и что для них нет луч-

шей музыки, как цыганский иступленный хор и звон разбитой посуды.

В стране советов в кабаках
Живут рабочие поэты.

(М. Голодный).

Это люди с большой нервной впечатлительностью, им ничего не стоит разжалобиться каждую минуту, их психология насквозь субъективна. У них больные глаза, в которых застыла глубокая тоска, туда закралось беспредельное отчаяние выбитого из колеи человека, которого жизнь бросает из стороны в сторону, заставляет катиться по наклонной плоскости, не встречая с его стороны сопротивления.

Разбитые физически, не знающие своего назначения в жизни, напуганные зачастую бредом своего собственного больного воображения, они погружаются в мрак, им мерещатся нередко призраки, а не живые люди. Не сумели все же спастись от мистики и чертовщины некоторые из наших поэтов, — чем-то гнилостным и затхлым веет от их отдельных стихотворений.

А все это потому, что они видят нищету, проституцию, сталкиваются с беспримерной человеческой подлостью и не могут от этого оторваться. В жутком они находят прекрасное, это щекочет их нервы. В двух же шагах от них строится новая и счастливая жизнь, она кипит и бурлит, но они не хотят замечать ее и только лишь изредка слагают холодные, безжизненные, постные рифмы о фабричном дыме и поэзии труда, для того, чтобы отдать дань эпохе.

Само собой разумеется, что от таких меланхолически настроенных людей, прибитых жизнью, не

чувствующих дыхания эпохи (а они могут быть не только поэтами, но и писателями, и художниками), потерявших задерживающие центры, сознательно ограничивающих круг своих впечатлений, находящихся фактически за бортом революционной действительности, можно услышать и похоронные мотивы и песнопения о жизни в таких тонах:

Есть жизнь такая проклятая,
Такая скучная и нелепая, —
Подойдешь к ней и станешь,
Как собаке в февральскую непогоду.

Бродят эти люди по улицам, просиживают днями в редакциях, выслушивают много обидных, бьющих, как пощечина, слов, с негодованием отвергают советы умных товарищей заняться делом, пойти учиться или поступить на фабрику, не бросая литературной деятельности или изобразительного искусства, и „все пишут, пишут и пишут“, впитывая яд разочарования и уязвленного самолюбия в свое художественное творчество.

Жизнь кружит их, как былинки по ветру, и нет для них тихой пристани, места отдохновения для изболевшего сердца, потому что оторваны они от большой семьи, именуемой классом, потому что сами выбили они из под своих ног почву, безнадежно запутались и не знают, чего они хотят.

Нас уверяют, однако, что даже в среде мыслящей и политически активной молодежи находятся люди, очертя голову бросающиеся в пропасть, из которой нет выхода, ставящие на своей жизни крест. На это можно только заметить, что выживают, крепнут, растут и мужают люди, сильные духом. Тех же, кто не умеет самоотверженно отдаваться делу, кто теряет равновесие и терзает

себя думами о неудачно сложившейся личной жизни, о том, что наша эпоха не лирична и ей не созвучны субъективные настроения, о том, что не так скоро все делается, как хочется, и что хотя огни впереди, да рукой их не достать, — история сметает со своей дороги, потому что они лишь тормозят ее продвижение вперед.

В самом деле, разве могут скучать и грустить люди, у которых много дела, которым некогда, которых жизнь дарит неожиданностями, требующими большого самообладания, терпения и бодрости? Для нас исполнена великого героизма и стойкости жизнь тех, кто пробивает в деревне брешь темноты и косности, кто выдерживает на плечах громадные тяжести, не страшась нагана и обреза, кто бесстрашно идет своей дорогой. Вот это — люди! А их большинство, и хотя они знают, что „впереди преграды и преграды, но, не теряя солнечной канвы, они идут туда, куда им надо“.

Перед нашими глазами вырастает длинный ряд молодых рабочих и работниц, с лицами, на которых осела копоть фабричного дыма, с глазами, в которых светится здоровый, энергичный блеск. Они умеют совмещать производственную работу с общественной, отдаваться безраздельно труду и брать от жизни все, что она дает. Никогда вы от них не услышите стона и плача. А рабфаковцы — эти упрямые, стойкие и обрывистые люди, — разве они хорошо живут? Но вы слышали их смех и вы знаете, что они добьются своего, будут, несмотря ни на что, „грызть молодыми зубами гранит науки“.

Нужно же в самом деле видеть живых людей, творческий порыв которых, здоровый оптимизм и энтузиазм, поднимает настроение и жизненный

тонус у других. С них надо брать пример, у них надо учиться. Их большинство, и за ними будущее. И вот о таких людях с твердой поступью и несломимым упорством, волей к борьбе, преодолевающих одну трудность за другой, и все же, всегда веселых и радостных, нужно сейчас напомнить всем тем, кто никнет головой перед трудностями жизни, всем тем, кто под солнцем зачах, всем тем, кого не заражает поэзия борьбы.

IV.

На одном из комсомольских съездов, тов. Калинин, в своей глубокой речи о воспитании молодежи с подкупающей простотой и искренностью говорил о том, что идеалистические порывы молодежи, в лучшем смысле этого слова, ее тяготение к духовному обновлению, ее стремление к героическим поступкам — нужно культивировать, а не осуждать, не заглушать и не приписывать интеллигентской мягкотелости.

Это были новые волнующие слова, понятные и дорогие молодежи, согретые любовным и осторожным отношением к подрастающему поколению. Но те качества, о которых говорил тов. Калинин, как бы притупились у нашей молодежи и слабеют в ней.

Ни на минуту нельзя сомневаться в том, что наша молодежь бесстрашно ринется в бой, когда ее призовет к этому революционный долг. Это верно. А все же наша молодежь, разумеется не вся, изменилась и к худшему. Вам не приходилось бывать в компании товарищей, спаянных одной работой, хорошо знающих друг друга, представляющих передовые слои комсомола и слышать их беседы,

ну, хотя бы о судьбах социализма в отсталой стране, правой опасности в нашей партии и оппортунистическом содержании платформы новой оппозиции?..

И если да, то не заметили ли вы, как медленно разворачиваются прения, как сухо и односложно формулируют свои мысли товарищи, как бледно, невыразительно и бесстрастно проходит вечер, каким тяжелым и бесцветным языком говорят все без исключения, не смотря на то, что в жилах каждого течет молодая, горячая кровь.

Казалось бы в том, что говорит молодежь, должно быть большое, так легко объясняемое волнение, юношеский пыл и полемический задор, — казалось бы, юность, по образному выражению Жарова, должна „борьбою кипеть“, а, между тем, приходится констатировать обратный факт и заявить о том, что это представление о нашей, казалось бы пылкой, молодежи в значительной мере иллюзорно.

Она стала суше, строже, чинней и, право же, с ней скучно. Бледно, тускло и серо проходят ее вечера, собеседования и споры, как будто бы нет таких тем, вопросов и событий, которые смогли бы ее увлечь, вдохновить и зарядить.

Тов. Калинин лучше многих других выразил мысль, которая мучит, конечно, не только его одного. Он верно схватил, вскрыл острым ланцетом опытного человека болезненный нарос на психологии современной молодежи. Она, в силу наивного заблуждения и какого то странного обидного недоразумения, выхолащивает в себе то, что от неподдельной цельной юношеской натуры, она не хочет сказать того, что думает, и скрывает в себе то, что чувствует.

Она морщит лоб, ужасно важничает и произносит удручающие своей тенденциозностью и трафаретностью речи, в которых так редко бьется живая мысль и так много ортодоксального, безупречного и принципиального, специально подогнанного под резолюции и циркуляры.

А, ведь, это свидетельствует, если хотите, о казенщине мыслительного аппарата, о вялости и своеобразной обломовщине, чем о кажущейся на первый взгляд подлинной революционности и истинном убеждении, потому что только в результате продолжительного изучения предмета, горячего и страстного обсуждения серьезных проблем и сложных вопросов союзной практики, в товарищеском кругу можно приобрести широкий кругозор и критически проверенное, твердо сложившееся мнение. Над этим надо подумать, этого нельзя забывать людям, за которыми будущее.

„Жизнь есть действие, а действие есть борьба“ — сказал один большой человек. Главная опасность, которая грозит нашей молодежи, заключается в том, чтобы не застыть в своем развитии и не растерять свой революционный пыл. Только тот может быть настоящим бойцом, кто умеет всеми своими чувствами, мыслями и помыслами отдаваться делу, кого действительно органически захватывает пафос грандиозного революционного действия. Для этого, прежде всего, надо любить жизнь.

V.

Свет и тени.

...Мы закрыли в прошлое все двери или, во всяком случае, добиваемся этого. Правда, до сих пор еще на ярком и радостном фоне наших трудовых

будней появляются бурые пятна, уродливые гримасы старого быта, вроде чубаровщины.

Дают знать себя нравы „Растеряевой улицы“, породившие на большой рабочей окраине дикие эксцессы, ни с чем не сравнимую, тупую жестокость лиговских „деловых“ ребят; безотчетный, буйный, хмельной гнев и безудержный порыв к хулиганству отчаянных, распущенных в конец атаманов босяцкой гвардии.

Бессердечный эгоизм, зверские инстинкты, получившие свое выражение в поножевщине, „темный“, бесшабашный разгул и циничная, бесстрашная развязность, доходящая порой до прямого физического насилия и утонченных пыток, — все это присуще наследникам старой рабочей окраины, уходящей своими корнями в глубокое, былинное прошлое.

Ведь было время, когда чумазый „брат мастеровой“ губил в синем море водки, пьяном кошмаре и серости будней, свою свинцовую тоску, свою молодость, свое будущее. Сжатый в тисках фабричной машины, он, не видевший зари и счастья, одуревший от водки и мата и полуголодной черствой, как камень, жизни, — дышал глухой, мрачной ненавистью ко всему живому и здоровому, дававшему пышные всходы.

И вот в наше такое солнечное время, старый быт, угрюмый, жуткий и тысячу раз проклятый быт, — бросает иногда свою черную тень на светлую картину новой жизни, полной творческой, бьющей ключом, молодой энергии. Сказывается некультурность прошлых лет.

На ряду с молодой революционной порослью расцветает и чертополох. Но мы твердо держивали, выдерживаем и будем вы-

держивать вольготный, с гиком и присвистом, азиатский поход на новый строй жизни и культурный быт со стороны „шпаны“, этого рабочего охвостья с гнилой сердцевинкой и мозгами набекрень. Что бы там ни было, а рабочая молодежь, взятая в массе, дает резкий отпор хулиганству в его различных видах.

Чубаровское дело вызвало, и не случайно, исключительный интерес в среде рабочей молодежи, — оно всколыхнуло самые широкие и глубокие пласты рабочей массы. И каждый помнит (это не забывается), с каким пылким негодованием, острым, необычайно глубоким возмущением восприняли тысячи молодых рабочих уголовное, зверское преступление своих товарищей по заводу.

Их обдали жгучим презрением, к ним пылали ненавистью. И приговор был единодушный: „Нужно срезать гнойный покров, образовавшийся на теле рабочего класса“. „Никакой пощады, никаких снисхождений“. „Растлителям и законченным мерзавцам не должно быть места в рабочей семье и в стране, которая строит социализм“.

Когда же чубаровские генералы были сметены, им на смену появились поджигатели завода Сан Галли. И вот опять общим единодушным решением всех комсомольских коллективов и собраний беспартийной рабочей молодежи они также были лишены права на жизнь.

Если на заводе появляются ухари с хамскими манерами, учиняющие дебоши и пускающие в ход финку, им скручивают руки, отдают их карательным органам советского государства.

И так всегда. Людей, которые по старинке воруют заводской инвентарь и готовый товар;

коноводов пьяной, вечно хулиганящей братвы; негодяев, насилующих женщин; мародеров, занимающихся политическим шантажем, обнаглевших „братишек“, бряцающих оружием и не умеющих уважать коллектив,—рабочая молодежь вышвыривает за стены своего завода, ведет систематическую борьбу с конкретными носителями зла, мешающими ей продвигаться к новой жизни.

С большим моральным удовлетворением отмечаешь, как с каждым днем культурно растет и политически созревает рабочая молодежь, вырабатывая новые характеры, твердую волю, дисциплину в своих рядах, тяготея к упорядоченной жизни, подчиненной одному стремлению: строить социализм, возводить новые леса социалистической стройки...

...В быту рабочей молодежи, однако, есть ряд отрицательных явлений, принимающих угрожающий характер. С ними надо бороться, на них нельзя закрывать глаза. До сих пор еще не перевелись среди рабочей молодежи т. н. сторонники „свободной любви“, люди с разнузданными инстинктами, чрезвычайно примитивно и грубо решающие на ходу проблему пола. „Гусарский подход“ к женщине не изжит и это очень плохо. Несомненную опасность представляет отсутствие у известной части рабочей молодежи этических принципов и твердых взглядов на вопросы брака.

На ряде заводов многие молодые работницы говорят с горечью о том, что ребятам доверять в „интимной жизни“ нельзя: „Скажут, что полюбят, возьмут, а потом бросят, а все заботы о ребенке предоставляют нам“. Другие же зая-

вляют: „Откажутся от отцовства, да еще издеваются“.

Количество судебных дел, в связи с алиментами, растет и в этом нет ничего утешительного. Значит действительно в среде рабочей молодежи есть такие „молodчики“, которые „охотятся“, за женщинами, отказываясь от какой-либо моральной ответственности за свое более, чем легкомысленное поведение.

На 10-ом году революции нельзя „узаконивать кусочки публичного дома“, как правильно писал т. Ионов в „Правде“. Нужно мобилизовать широкое общественное мнение против молодых ловеласов, работающих под Коренькова. По ним необходимо открыть огонь,—взять их на прицел, быть может стоит устраивать над ними показательные суды. Абсолютно необходимо ввести в систему, работу по внедрению в быт рабочей молодежи подлинно коммунистических взглядов на вопросы пола.

Волна пьянства то спадает, то снижается. Во всяком случае, сорокаградусная становится излюбленным напитком для некоторых молодых рабочих, имеющих тенденцию быть „потомственными почетными алкоголиками“. Не избежали этой участи и комсомольцы, на ряде заводов побивающие рекорд по части потребления „живительной влаги“. Безобразничают не мало. Удачные ребята в семейном кругу распивают четвертями водку, затем выходят на улицу, выбивают стекла в магазинах, „разукрашивают“ физиономии невинным прохожим и вваливаясь в клуб или кино,—бесчинствуют. С пьянством надо, разумеется, бороться не только циркулярами, и это хорошо поняли бытовые ядра, о которых речь

будет итти ниже. Мы констатируем только наличие серьезного рецидива некультурности, на котором необходимо сосредоточить внимание комсомола.

Бытовые ядра возникли впервые на Ленинградских заводах, и сразу же четко определили свое назначение в общей системе политического воспитания молодежи.

Инициаторы и затейники, — люди с живой мыслью, ярким воображением и практическим складом ума, а главное — неисчерпаемым запасом сил, — взявшись за перестройку быта на новых началах, быстро добились ощутительных результатов.

Борьбась с обломовщиной, неопрятностью и безграмотностью, пьянством, нищетой и духовной вялостью (этого у нас хоть отбавляй) бытовые ядра решили медленно, день за днем, а не в порядке ударной „рваческой“ кампании. Они избрали самый верный путь.

Тут потребовались: не только расторопность и крепкие нервы, но и настойчивость, упрямство, мужественность, способность начатое дело доводить до конца. Бытовые ядра смело пошли в атаку на консервативные участки нашего общественного фронта.

„Зеленый змий“, — это страшный, сильный, и цепкий враг. Его не разобьешь на голову благочестивыми рассуждениями о пользе трезвости, о разрушающем действии алкоголя на здоровье.

Поэтому цыганской свистопляске и пьяному угару пивной, была немедленно противопоставлена „сухая“ семейная вечеринка, наполненная новым культурным и интересным содержанием.

Гармошка, гитара и балалайка, шахматы и шашки, камаринская и чечетка, радио-приемник,

лесни, игры и шумовой оркестр, все это было призвано на службу комсомолу. Удалось избежать фальши, политфантов, и нравоучительных сентенций.

И вот непосредственная обстановка, дружеская спайка, подлинное захватывающее веселье придало вечерам особую привлекательность, свежесть и новизну, по которой так соскучилась рабочая молодежь. Глубокий внутренний подъем участников вечеров, объясняемый тем, что каждый из них мог развернуться и петь, и декламировать, словом проявлять разносторонние свои способности, сопровождал каждый из этих семейных праздников, переполненных до краев трепетной и горячей радостью.

Мы много, чрезмерно много и, подчас, бесплодно пишем о том, как преодолеть нездоровое увлечение рабочей молодежи авантюрным жанром, кино-трюками Гарри Пилия, цирковой борьбой и шарлатанскими номерами пресловутых „магов-чародеев“.

А вот бытовые ядра во-время учли назревающую опасность и принялись за организацию коллективных просмотров лучших фильмов, наиболее значительных театральных постановок, концертов и хорошо обслуживаемой эстрады.

Многие комсомольцы, по простоте душевной, говорили о том, что они испытывают тошнотворный зуд на лекциях, запутались в вопросах международной политики, не научились читать газет и предпочитают романы А. Дюма исследованиям о движущих силах китайской революции.

Тогда бытовые ядра в помощь политшколам сколотили группы из политически-инертных комсомольцев, нашли живых, умных руководителей, имеющих

известную педагогическую подготовку, занялись чтением газет, по преимуществу фельетонов, поработали ряд руководящих статей. За короткое время они подковали идеологически немощных комсомольцев, пробудив у них жгучий интерес к политическим вопросам.

Теперь уже совершенно несомненно, что бытовые ядра являются одним из подсобных орудий комсомольской ячейки и выполняют поистине огромное, хотя и мало-замечное на первый взгляд, дело по культурному и политическому перевоспитанию рабочей молодежи.

Возьмите такие факты, которыми пестрят сообщения о работе бытовых ядер,—как организация на одном из заводов благоустроенной коммуны рабочей молодежи, а на другом школы кройки и шитья из безработных комсомолок, и вы убедитесь в этом.

Изучение бюджета рабочей молодежи, рациональное его распределение, плановое устройство экскурсий, систематическое, твердо-вошедшее в режим, посещение бани всем коллективом и многое другое,— разве это не является свидетельством культурного сдвига в среде рабочей молодежи, стимулом для которого послужила напряженная и безустанная работа инициаторов и затейников. Они успешно пробивают стену косности, идут твердой и уверенной поступью к новым достижениям на фронте культурной революции.

Но „бытовые ядра“ еще чрезвычайно малочисленны. Нужно форсировать это в высшей степени ценное движение, придав ему массовый характер. Инициаторы и затейники насчитываются десятками, сотнями, а их должны быть тысячи. То, что бытовые ядра выполняют в значи-

тельной мере только „культурную миссию“, работая на отлете, часто не согласовывая своей деятельности с общим планом ячейки,—также ненормально. Эту своеобразную ограниченность надо преодолеть в интересах дела. Бытовые ядра должны входить составной, органической частью в ячейку.

Побольше нетерпимости не только к язвам быта, но и к производственным неурядицам, побольше внимания к политическим вывихам отсталой части рабочей молодежи. „Бытовые ядра“ должны вести действительно повседневную деятельность по оказанию помощи ячейкам во всех областях комсомольской работы, работая под их руководством.

Мы помним комсомольский клуб двадцать первого года, с заплеванными и загрязненными стенами, забитый рухлядью, заменявшей мебель, наполненный клубами табачного дыма. Он стоит перед нашими глазами с разбитыми окнами, с дверями, висящими на петлях, этот клуб, в котором целый день царил хаос. До чего мы были тогда некультурны,—прямо стыдно писать. Теперь уже все иначе. В клубе стало значительно чище. А вот в Доме Глерона, например, мы замечаем образцовый порядок, знаем, что там твердо соблюдаются правила внутреннего распорядка и в целой анфиладе комнат занимаются, играют в шахматы, репетируют пьесу. И заметьте: никто никому не мешает. Работа идет плавно, без перебоев по строгой системе.

Посещаемость клубов далеко не достаточная—это один, из, так сказать, хронических недостатков клубной работы. Контингент по-

стоянных посетителей клуба однообразный,— слабо ведется работа по вовлечению широких, новых слоев рабочей молодежи. Юнсекции, так хорошо развернувшие свою работу в летних условиях, в осенних условиях сжимают план своей деятельности, не развивают широкой инициативы по линии методической организации вечеров самодеятельности, не варьируют методов работы кружков.

Нужно повысить удельный вес юнсекции в общей системе клубной работы,— а этого можно добиться только путем усиления самодеятельности, большего напряжения работоспособности и внесения в свою деятельность элементов оригинального, свидетельствующего о работе мысли и строгом учете запросов рабочей молодежи. Против мертвой, заранее определенной схемы, за наполнение ее живым постоянно видоизменяющимся новым полезным содержанием!

Войдите в сад клуба Старой и Молодой Гвардии. Вы убеждаетесь в том, что дорожки посыпаны гравием и подстриженные кустарники оберегаются самими комсомольцами. Нельзя бросать окурков, нельзя ложиться на траву. За этим следят. Прямо немецкая аккуратность. Это культура мелочей, из которых складывается быт.

Читальня на свежем воздухе. Большая посещаемость,— значительный спрос на периодическую печать и классиков. Последнее особенно характерно и замечательно. Рабочая молодежь читает Толстого, Тургенева, Гончарова и даже Анатоля Франса. Только отдельные работницы-девушки увлекаются Шеллером-Михайловым,

пребывая в розовом тумане наивных чувственных переживаний.

Когда-то рабочие ребята говорили: „мы живем, как в бане, без поправок, без стеснения“. Теперь уже слышишь другие речи.

...Злосчастная канарейка, этот верный друг церковных сторожей и певчих, уже давно исключена из предметов домашнего обихода молодой рабочей семьи. Кактус на окошке кое-где еще можно увидеть, а вот киот с мерцающей лампадой можно увидеть только в провинциальном захолустьи у божьих старушек, доживающих свой век.

Хриплый, простуженный граммофон, играющий на нервах несчастных слушателей и искажающий до неузнаваемости голоса артистов, скоро получит отставку. Все реже и реже около него извиваются по праздникам в томных позах вальсирующие и захмелевшие молодые люди.

Зато мы видим другую, великолепную картину культурного возрождения рабочей молодежи. На столе радио-приемник, а около него с трубками на ушах сидит молодой слесарь, весь застывший в напряжении. В глазах у него чувствуется работа мысли, лицо разгорячено. Он просит ему не мешать, так как по радио передают доклад Бухарина, а после восьмичасовой работы с мыслями собраться трудно.

Радио передает по волнам не только доклады и информацию ТАСС'а, оно заменяет не только рабочий университет, но и является отличным инструментом музыкального воспитания рабочей молодежи.

Радио-любительство—это большое культурное достижение, темп которого все больше и больше ускоряется. Практическими результатами его слу-

жат тысячи заказов от рабочей молодежи на радиоприемники.

За десять лет мы добились многого и дали большой залп по мещанству, расшатав его твердыни.

Но ничто не может идти в сравнении по эффекту с одним совершенно исключительным явлением. Благодаря радио рабочая молодежь получает законченное музыкальное воспитание, и знакомится с лучшими операми.

Этим можно гордиться. Победа огромная, мы догоняем Европу. Лучшие театры, лучшие артистические силы доступны рабочей молодежи, искусство стало достоянием массы. И это теперь уже навсегда.

**СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ
ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ**

„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

== на 1928 год ==

на литературно-публицистический двухнедельный журнал рабочей молодежи

„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“

— ОРГАН СЕВЗАПБЮРО Ц. К. и Л. К. ВЛКСМ. —

„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“ — самый дешевый молодежный журнал

В 1928 г. „ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“ ДАЕТ

24 номера журнала В каждом номере очерки, фельетоны, статьи по всем вопросам комсомольской работы, политике и быту рабочей молодежи.

В 1928 г. подписчики получают 12 кн. по вопросам комсомольской работы и быта.

В 1928 году в „ЮНОМ ПРОЛЕТАРИИ“ — рассказы, повести, стихи лучших и молодых литературных сил.

В 1928 году „ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“ — поднимает ряд дискуссий на самые острые злободневные вопросы быта молодежи.

В 1928 году в „ЮНОМ ПРОЛЕТАРИИ“ оригинальные монтажи, много фото и рисунков, шаржи и т. п.

В „ЮНОМ ПРОЛЕТАРИИ“ — отделы: „Наука и Техника“, помощь радиолюбителю, шашки и шахматы и мн. др.

„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“ — самый распространенный молодежный журнал.

**„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“ должна читать
ВСЯ РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ЛЕНИНГРАД, Фонтанка, 57, и во
= всех почт.-тел. отделениях. =

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 1 месяц — 25 коп., на 3 месяца — 70 коп., на 6 месяцев — 1 р. 40 коп.,
на год — 2 р. 50 к. С ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ: на 1 месяц — 35 к.,
на 3 месяца — 1 р., на 6 месяцев — 1 р. 80 к., на 1 год 3 р. 50 к.

— В рознице цена отд. № — 15 коп. —